

John R.R. Tolkien

The Silmarillion

Джон Р.Р. Толкин

Сильмариллион

под редакцией Кристофера Толкина

в переводе
С. Лихачевой

Легендариум Средиземья

Джон Толкин

Сильмариллион

«Издательство АСТ»

1977

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Толкин Д. Р.

Сильмариллион / Д. Р. Толкин — «Издательство АСТ»,
1977 — (Легендариум Средиземья)

ISBN 978-5-17-139328-1

«Сильмариллион» – один из масштабнейших миров в истории фэнтези, мифологический канон, который Джон Руэл Толкин составлял на протяжении всей жизни. Свел же разрозненные предания Земель Белерианда воедино, подготовив текст к публикации, сын Толкина Кристофер. В данное издание вошел перевод С. Лихачевой.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-139328-1

© Толкин Д. Р., 1977
© Издательство АСТ, 1977

Содержание

От переводчика: о передаче имен и названий	6
Предисловие	8
Предисловие ко второму изданию	10
Из письма Дж. Р. Р. Толкина к Мильтону Уолдману, 1951	11
Айнулиндалэ	23
Валаквента	28
Квента Сильмариллион	33
Глава 1	33
Глава 2	39
Глава 3	42
Глава 4	48
Глава 5	49
Глава 6	53
Глава 7	56
Глава 8	60
Глава 9	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Джон Рональд Руэл Толкин

Сильмариллион

John R.R. Tolkien SILMARILLION

Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd.

Под редакцией К. Толкина Перевод с английского С. Лихачевой Компьютерный дизайн В. Воронина Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers Limited и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© The Tolkien Estate Limited and C R Tolkien 1977

© Перевод. С. Лихачева, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

От переводчика: о передаче имен и названий

Предваряя непосредственно текст, скажем несколько слов о переводческой концепции передачи имен и названий. Транслитерация имен собственных, заимствованных из эльфийских языков, последовательно осуществляется в соответствии с правилами чтения, сформулированными Дж. Р.Р. Толкином в приложении Е к «Властелину Колец» и перенесенными на русскую орфографию. Оговорим лишь несколько наименее самоочевидных и вызывающих наибольшие споры подробностей. Так, в частности:

⟨L⟩ смягчается между [e], [i] и согласным, а также после [e], [i] на конце слова. Отсюда – Бретиль (*Brethil*), Мелькор (*Melkor*), но Ульмо (*Ulmo*), Эльвэ (*Elwë*), но Олвэ (*Olwë*).

⟨TH⟩ обозначает глухой звук [θ], ⟨DH⟩ обозначает звонкий [ð]. Эти фонемы не находят достаточно точных соответствий в русском языке и издавна следуют единой орфографической замене через «т» и «д». Мы передаем графическое *th*, *dh* через «т» и «д» соответственно. Например – Тингол (*Thingol*), Маэдрос (*Maedhros*).

⟨PH⟩ в середине некоторых слов обозначает [ff] (возникшее из [pp]): Эффель Брандир (*Ephel Brandir*).

⟨E⟩ обозначает звук, по описанию Толкина примерно соответствующий тому же, что в английском слове *were*, то есть не имеющий абсолютно точного соответствия в русском языке. Попытки использовать букву «э» всюду, где в оригинале имеется звук [e] после твердого согласного, то есть практически везде, представляются неправомерными. Звук [э] русского языка, при том, что он, строго говоря, и не соответствует стопроцентно исходному, будучи передаваем через букву «э», создает комичный эффект имитации «восточного» акцента. Та же самая цель (отсутствие смягчения предшествующего согласного) легко достигается методами, для русского языка куда более гармоничными: в словах, воспринимающихся как заимствования, согласный естественным образом не смягчается и перед «е» (так, в слове «эссе» предпоследний согласный звук однозначно твердый).

В системе транслитерации, принятой для данного издания, в именах и названиях, заимствованных из эльфийских языков, буква «э» используется:

– на конце имен собственных, заимствованных из эльфийских языков (тем самым позволяя отличить эльфийские имена от древнеанглийских): Финвэ (*Finwë*) (но Эльфвине (*Aelfwine*));

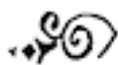
– в начале слова и в дифтонгах (во избежание возникновения звука [j]): Галадриэль (*Galadriel*), Эол (*Eöl*);

– на стыке двух корней: например, Арэдель (*Aredhel*), Аданэдель (*Adanedhel*), дунэдайн (*Dúnedain*).

В большинстве же случаев для передачи пресловутого гласного звука используется буква «е»: например, Берен (*Beren*), Белерианд (*Beleriand*), Нуменор (*Numenor*).

Буква ⟨Y⟩ в словах, заимствованных из языка синдарин, обозначает звук, в русском языке передающийся буквой «ю»: например, Эмюн Берайд (*Emyn Beraid*).

В Указателе после каждого слова в скобках дается написание латиницей (как в оригинале), для упрощения соотнесения ономастики оригинала и перевода.

Для ряда этнонимов в тексте оригинала используются формы множественного числа, образованные по правилам грамматики соответствующих эльфийских языков (*Noldor*, *Eldar*,

Gondolindrim, Golodhrim), но не правилам английской грамматики. В силу этой причины те же формы мы используем в русском переводе как несклоняемые существительные (*нолдор, эльдар, гондолиндрим* и т. д.).

Лихачева С.

Предисловие

«Сильмариллион», ныне опубликованный спустя четыре года после смерти автора, представляет собою рассказ о Древних Днях или о Первой эпохе Мира. Во «Властелине Колец» повествуется о великих событиях конца Третьей эпохи; однако предания «Сильмариллиона» – это легенды, восходящие к еще более далекому прошлому, когда Моргот, первый Темный Властелин, обосновался в Средиземье, и Высокие эльфы воевали с ним за Сильмарили.

Однако «Сильмариллион» не только пересказывает события гораздо более ранние по времени, нежели во «Властелине Колец», он, в основе своей, и написан намного раньше. Действительно, он существовал уже полвека назад, хотя в ту пору «Сильмариллионом» не назывался; а в потрепанных тетрадях, датированных 1917 годом, можно прочесть самые первые варианты ключевых преданий мифологии, зачастую набросанные карандашом, на скорую руку. Но опубликован он так и не был (хотя некое представление о его содержании можно получить из «Властелина Колец»), и на протяжении всей своей долгой жизни отец продолжал работать над ним, в том числе и в последние годы жизни. За все это время структура «Сильмариллиона» как крупномасштабного повествования практически не менялась; он давным-давно сложился как фиксированный свод легенд и фон для последующих книг. Но до готового текста было еще далеко: изменялись даже отдельные фундаментальные представления о природе изображаемого мира, и вместе с тем одни и те же легенды пересказывались то более кратко, то более пространно, и в разном стиле. С течением лет изменения и варианты, в отношении как деталей, так и глобальных перспектив, настолько усложнились и перепутались, что свести все эти многослойные напластования к версии окончательной и однозначной казалось чем-то недостижимым. При этом легенды более ранние («ранние» не только в смысле их принадлежности к далекой Первой эпохе, но также и в смысле даты их написания) вобрали в себя и воплотили самые сокровенные мысли моего отца. В текстах более поздних мифология и поэзия уступают место раздумьям теологическим и философским, что влечет за собою стилевую несовместимость.

После смерти отца привести его наследие в пригодный для публикации вид выпало мне. Было понятно, что попытка представить все разнообразие материалов под обложкой одной книги – продемонстрировать «Сильмариллион» таким, каков он есть на самом деле, – как творение непрестанно меняющееся и эволюционирующее на протяжении более полувека, – приведет лишь к путанице, и в этом хаосе затеряется самое важное. Потому я взялся создать цельный, единый текст, отбирая и группируя материал так, чтобы по возможности получилось максимально связанное и обладающее внутренней логикой повествование. В этой работе последние главы (начиная с гибели Турина Турамбара) заключали в себе особую проблему: на протяжении многих лет они не менялись и в некоторых отношениях серьезно дисгармонизировали с более разработанными концепциями других частей книги.

Полной согласованности (будь то в пределах самого «Сильмариллиона» или между «Сильмариллионом» и другими опубликованными произведениями моего отца) ожидать не приходится; если она и достижима, то слишком дорогой ценой. Более того, со временем отец стал воспринимать «Сильмариллион» именно как компиляцию, как краткий пересказ, составленный в последующие времена на материале разнообразных источников (стихотворений, исторических хроник, устных преданий), сохранившихся в вековой традиции; и данная концепция в определенном смысле является аналогией истории книги как таковой, поскольку в основу ее легло немало более ранних прозаических и стихотворных текстов, так что в определенной степени книга конспективна по сути, а не только в теории. Этим объясняется ускорение и замедление развития событий и степень проработанности деталей в разных частях книги, – так, например, точное воспроизведение места действия и мотиваций в легенде о Турине Турамбаре контрастирует с возвышенным и расплывчатым повествованием о завершении Первой

эпохи, когда был сокрушен Тангородрим и ниспровергнут Моргот; а также и различия в стиле и описаниях; некоторые неясности и, в ряде мест, – отсутствие связности. Так, например, «Валаквента», по всей видимости, повествует главным образом о тех временах, когда эльдар лишь недавно обосновались в Валиноре, однако текст был переработан впоследствии; этим и объясняется постоянная смена грамматических времен и смещение точки зрения: божественные власти воспринимаются то как зримо присутствующие и действующие в мире, а то как бесконечно удаленные – канувший в небытие народ, оставшийся лишь в воспоминаниях.

Книга, хотя и неизбежно озаглавленная «Сильмариллион», содержит в себе не только «Квента Сильмариллион» или «Сильмариллион» как таковой, но также и четыре отдельных небольших произведения. «Айнулиндалэ» и «Валаквента», приведенные в начале, с «Сильмариллионом» неразрывно связаны; но «Акаллабет» и «О Кольцах Власти», поставленные в конце, представляют собою абсолютно независимые, отдельные произведения (и это надо подчеркнуть особо). Они включены в книгу в соответствии с недвусмысленно выраженным пожеланием моего отца; и благодаря этому история оказывается представлена полностью, от Музыки Айнура, в которой берет начало мир, до ухода Хранителей Колец из гаваней Митлонда в конце Третьей эпохи.

В книге встречается огромное количество имен и названий, поэтому я снабдил ее полным указателем; однако число персонажей (эльфов и людей), сыгравших важную роль в событиях Первой эпохи, значительно меньше: все они представлены в генеалогических таблицах. В придачу я прилагаю таблицу довольно запутанных наименований разных эльфийских народов; отдельное примечание о произношении эльфийских имен и названий и список некоторых основных элементов, из которых они состоят; а также карту. Стоит отметить, что гигантская горная цепь на востоке, Эред Луин или Эред Линдон, Синие горы, на карте к «Властелину Колец» представлена на крайнем западе. В тексте книги содержится карта поменьше; я включил ее, чтобы читателю было с первого взгляда понятно, где именно находились те или иные эльфийские королевства после возвращения нолдор в Средиземье. Я не стал отягощать книгу дополнительными комментариями и пояснениями. Отец оставил множество неизданных материалов по Трем эпохам, – в том, что касается легенд, лингвистики, истории и философии, – и я надеюсь, что впоследствии удастся опубликовать хотя бы некоторую их часть.

В сложной и неблагодарной работе по подготовке текста книги к публикации мне немало помогал Гай Кэй, сотрудничавший со мной в 1974–1975 гг.

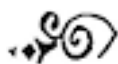
Кристофер Толкин
1977

Предисловие ко второму изданию

Ближе к концу 1951 г. (по всей видимости), когда «Властелин Колец» был уже закончен, но с публикацией книги возникли трудности, отец написал весьма длинное письмо своему другу Мильтону Уолдману, на тот момент – редактору издательства «Коллинз».

Поводом к написанию письма и контекстом для такового послужили в высшей степени досадные разногласия, вызванные тем, что мой отец настаивал на публикации «Сильмариллиона» и «Властелина Колец», «будь то сразу или по очереди», «как одной длинной Саги о Самоцветах и Кольцах». Однако здесь вдаваться в подробности этой истории нет смысла. Письмо, написанное отцом с целью оправдать и объяснить свою точку зрения, явилось блестящим изложением авторской концепции ранних эпох (заключительная часть письма, как говорил сам автор, – не более чем «длинное и, тем не менее, бесцветное резюме» «Властелина Колец») и в силу этого, как мне представляется, заслуживает помещения под одну обложку с «Сильмариллионом», как в настоящем издании.

Оригинал письма не сохранился, но Мильтон Уолдман снял с него машинописную копию и один из экземпляров отослал отцу; именно по нему данное письмо воспроизводилось (частично) в книге «Письма Дж. Р. Р. Толкина» (1981), № 131¹. Приведенный здесь текст соответствует «Письмам», стр. 143–157², – в него лишь внесены незначительные исправления и опущена часть сносок. Машинописная копия изобиловала опечатками, особенно в именах и названиях; большинство их отец исправил, однако не заметил фразу на стр. xviii: «По сути не было ничего дурного в том, что они задержались вопреки совету, *по-прежнему скорбно* с смертных землях их древних героических деяний». Здесь машинистка со всей очевидностью пропустила несколько слов оригинала и, возможно, неправильно воспроизвела те, что остались.

Я устранил ряд ошибок в тексте и указателе, что до сих пор не были замечены и исправлены в изданиях «Сильмариллиона» в твердой обложке (только в них). Главные среди них – те, что касаются нумерации отдельных правителей Нуменора (что до этих ошибок и объяснения их возникновения, см. «Неоконченные предания» (1980), стр. 126, примечание 11, и «Народы Средиземья» (1996), стр. 154, § 31).

Кристофер Толкин
1999

¹ Перевод данного письма приводится по изданию: *Толкин Дж. Р. Р. Письма* / Под ред. Х. Карпентера при содействии К. Толкина; пер. С. Лихачевой. М.: ЭКСМО, 2004.

² Здесь и далее ссылки даются на издания оригиналов (*примеч. пер.*).

Из письма Дж. Р. Р. Толкина к Мильтону Уолдману, 1951

Дорогой Мильтон!

Вы попросили дать краткое описание материала, имеющего отношение к моему воображаемому миру. Трудно сказать хоть что-нибудь, не сказав при этом слишком многого: при попытке найти пару слов распаиваются шлюзы энтузиазма, эгоист и художник немедленно желает сообщить, как этот материал разрастался, на что похож и что (как ему кажется) автор имеет в виду или пытается изобразить. Кое-что из этого я обрушу на вас; однако приложу и просто краткое резюме содержания: это (возможно) все, что вам нужно, или до чего дойдут руки и на что времени хватит.

Если говорить о том, когда и как это сочинялось и разрасталось, все это началось одновременно со мной, – хотя не думаю, что это кому-то интересно, кроме меня самого. Я имею в виду, что не помню такого периода в моей жизни, когда бы я это все не созидал. Многие дети придумывают, – или по крайней мере берутся придумывать, – воображаемые языки. Сам я этим развлекаюсь с тех пор, как научился писать. Вот только перестать я так и не перестал, и, конечно же, как профессиональный филолог (особенно интересующийся эстетикой языка), я изменился в том, что касается вкуса и усовершенствовался в том, что касается теории и, возможно, мастерства. За преданиями моими ныне стоит целая группа языков (по большей части лишь схематично намеченных). Но тем созданиям, которых по-английски я не вполне правильно называю эльфами, даны два родственных языка, почти доработанных: их история записана, а формы (воплощающие в себе два разных аспекта моих лингвистических предпочтений) научно выводятся из общего источника. Из этих языков взяты практически все *имена собственные*, использованные в легендах. Как мне кажется, это придает ономастике определенный характер (единство, последовательность лингвистического стиля и иллюзию историчности), чего заметно недостает иным сходным творениям. Не всякий, в отличие от меня, сочтет это важным, поскольку меня судьба покарала болезненной чувствительностью в подобных вопросах.

Но страстью столь же основополагающей для меня *ab initio*³ был миф (не аллегория!) и волшебная сказка, и в первую очередь – героическая легенда на грани волшебной повести и истории, которых на мой вкус в мире слишком мало (в пределах моей досягаемости). Уже в студенческие годы мысль и опыт подсказали мне, что интересы эти, – разноименные полюса науки и романа, – вовсе не диаметрально противоположны, но по сути родственны. Впрочем, в вопросах мифа и волшебной сказки я *не* «сведу», ибо в таких вещах (насколько я с ними знаком), я неизменно искал некое содержание, нечто определенного настроения и тона, а не просто знание. Кроме того, – и здесь, надеюсь, слова мои не прозвучат совсем уж абсурдно, – меня с самых юных лет огорчала нищета моей любимой родины: у нее нет собственных преданий (связанных⁴ с ее языком и почвой), во всяком случае, того качества, что я искал и находил (в качестве составляющей части) в легендах других земель. Есть эпос греческий и кельтский, романский, германский, скандинавский и финский (последний произвел на меня сильнейшее впечатление); но ровным счетом ничего английского, кроме дешевых изданий народных сказок. Разумеется, был и есть обширный артуровский мир, но, при всей его величественности, он не вполне прижился, ассоциируется с почвой Британии, но не Англии; и не заменяет того, чего, на мой взгляд, недостает. Во-первых, его «фэери»-составляющая слишком уж обильна и фантастична, слишком непоследовательна и слишком повторяется. Во-вторых, что более важно: артуриана не только связана с христианством, но также явным образом его в себе содержит.

³ С самого начала (*лат.*).

⁴ Хотя думал о них немало (*примеч. автора*).

В силу причин, в которые я вдаваться не буду, это мне кажется пагубным. Миф и волшебная сказка должны, как любое искусство, отражать и содержать в растворенном состоянии элементы моральной и религиозной истины (или заблуждения), но только не эксплицитно, не в известной форме первичного «реального» мира. (Я говорю, конечно же, о нынешней нашей ситуации, а вовсе не о древних, языческих, дохристианских днях. И я не стану повторять того, что попытался высказать в своем эссе, которое вы уже читали.)

Только не смейтесь! Но некогда (с тех пор самонадеянности у меня поубавилось) я задумал создать цикл более-менее связанных между собою легенд – от преданий глобального, космогонического масштаба до романтической волшебной сказки; так, чтобы более значительные основывались на меньших в соприкосновении своем с землей, а меньшие обретали величие на столь обширном фоне; цикл, который я мог бы посвятить просто стране моей, Англии. Ему должны быть присущи желанные мне тон и свойства: нечто холодное и ясное, что дышит нашим «воздухом» (климат и почва северо-запада, под коими я разумею Британию и ближайшие к ней области Европы, не Италию и не Элладу, и уж конечно, не Восток); обладая (если бы я только сумел этого достичь) той волшебной, неуловимой красотой, которую некоторые называют кельтской (хотя в подлинных произведениях древних кельтов она встречается редко), эти легенды должны быть «возвышенны», очищены от всего грубого и непристойного и соответствовать более зрелому уму земли, издревле проникнутой поэзией. Одни легенды я бы представил полностью, но многие наметил бы только схематически, как часть общего замысла. Циклы должны быть объединены в некое грандиозное целое – и, однако, оставлять место для других умов и рук, для которых орудиями являются краски, музыка, драма. Вот абсурд!

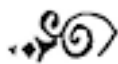
Разумеется, сей самонадеянный замысел сформировался не сразу. Сперва были просто истории. Они возникали в моем сознании как некая «данность», и по мере того, как они являлись мне по отдельности, укреплялись и связи. Захватывающий, хотя и то и дело прерываемый труд (тем более что, даже не говоря о делах насущных, разум порою устремлялся к противоположному полюсу и сосредотачивался на лингвистике); и однако ж мною всегда владело чувство, будто я записываю нечто, уже где-то, там, «существующее», а вовсе не «выдумываю».

Разумеется, я сочинял и даже записывал много всего другого (особенно для моих детей). Кое-каким вещичкам удалось выскользнуть из тисков этой разветвляющейся, всепоглощающей темы, будучи в основе своей и радикально с нею не связанными: например, «Лист работы Ниггля» и «Фермер Джайлс», единственные две, что увидели свет. «Хоббит», в котором куда больше внутренней жизни, задумывался абсолютно независимо; начиная его, я еще не знал, что и он оттуда же. Однако ж, как выяснилось, он оказался настоящей находкой: он завершал собою целое, обеспечивал ему спуск на землю и слияние с «историей». Как высокие Легенды начала дней предполагают эльфийский взгляд на вещи, так промежуточная повесть о хоббите принимает по сути дела человеческую точку зрения, – а последняя история соединяет их воедино.

Я терпеть не могу Аллегорию, – аллегорию сознательную и умышленную, – и однако ж все попытки объяснить сущность мифа и волшебной сказки по необходимости задействуют язык иносказания. (И, конечно же, чем больше в истории «жизни», тем с большей легкостью к ней применимы аллегорические интерпретации; а чем лучше сделана намеренная аллегория, тем скорее ее воспримут просто как историю.) Как бы то ни было, во всей этой писанине речь идет главным образом о Падении, Смертности и Машине. О Падении – неизбежно, и мотив этот возникает в нескольких формах. О Смертности, тем более что она оказывает влияние на искусство и тягу к творчеству (или скорее к вторичному творчеству), у которой вроде бы нет никакой биологической функции и которая не имеет отношения к удовлетворению простых, обыкновенных биологических потребностей, с каковыми, в нашем мире, она обычно враждует. Это стремление одновременно сочетается со страстной любовью к первичному, настоящему миру, и оттого исполнено ощущения смертности – и в то же время миром этим не насыщается. В нем заключены самые разные возможности для «Падения». Оно может стать собственно-

ческим, цепляясь за вещи, созданные «как свои собственные»; творец вторичной реальности желает быть Богом и Повелителем своего личного произведения. Он упрямо бунтует против законов Создателя – особенно же против смертности. И то и другое (поодиночке или вместе) непременно ведет к жажде Власти, и того, чтобы воля срабатывала быстрее и эффективнее, – и отсюда к Машине (или Магии). Под последним я разумею любое использование внешних систем или приспособлений (приборов) вместо того, чтобы развивать врожденные, внутренние таланты и силы – или даже просто использование этих талантов во имя искаженного побуждения подчинять: перепахивать реальный мир или принуждать чужую волю. Машина – наша более очевидная современная форма, хотя и соотносится с магией теснее, нежели обычно признается.⁵

Слово «магия» я использовал не вполне последовательно; эльфийская королева Галадриэль даже вынуждена объяснять хоббитам, что они ошибочно употребляют это слово как для обозначения уловок Врага, так и действий эльфов. Моя непоследовательность объясняется тем, что термина для обозначения последнего не существует (ведь все человеческие истории страдают той же путаницей). Однако эльфы призваны (в моих историях) продемонстрировать разницу. Их «магия» – это Искусство, освобожденное от многих его человеческих ограничений: более легкое и непринужденное, более живое, более полное (произведение и замысел идеально соответствуют друг другу). А целью ее является Искусство, а не Власть, вторичное творчество, а не подчинение и не деспотичная переделка Творения. «Эльфы» «бессмертны», по меньшей мере пока длится этот мир, и потому их скорее занимают горести и тяготы бессмертия среди изменчивого времени, нежели смерть. Врага в последовательных его обликах всегда «естественным образом» занимает абсолютная Власть, он – Владыка магии и машин; но проблема, – что это страшное зло может родиться и рождается от вроде бы доброго корня, из желания облагодетельствовать мир и других – быстро и в соответствии с собственными планами благодетеля, – становится повторяющимся мотивом.⁶

Циклы начинаются с космогонического мифа: «Музыки Айнура». Явлены Бог и Валар (или власти; в английском языке именуемые богами). Последние являются, скажем так, ангельскими силами, функция которых – осуществлять делегированную власть в своих сферах (правления и руководства, но не творения, созидания или переделывания). Они «божественны», то есть изначально пришли «извне» и существовали «до» сотворения мира. Их могущество и мудрость проистекают из Знания космогонической драмы, которую они восприняли сперва как драму (как в некотором смысле мы воспринимаем историю, сочиненную кем-то другим), а позже – как «реальность». С точки зрения чисто художественного приема это, разумеется, дает нам существ того же уровня красоты, могущества и величия, что и «боги» высших мифологий, которых, тем не менее, способен признать, – ну, скажем прямо, – разум, верующий в Святую Троицу.

Сразу же после этого мы переходим к «Истории эльфов», или «Сильмариллиону» как таковому; к миру, как мы его воспринимаем, но, конечно же, преображенному, по-прежнему полумифическому: то есть в нем действуют разумные воплощенные создания, более-менее

⁵ В основе своей, я полагаю, она посвящена проблеме соотношения Искусства (и Вторичного творчества) и Первичной Реальности (*примеч. автора*).

⁶ Только не в Прародителе Зла; его Падение относится к сфере вторичной реальности, так что эльфы (воплощение вторичной реальности *par excellence* [в основном, главным образом (*лат.* – С.Л.)] стали ему непримиримыми врагами; на них обращалась его жажда и ненависть и они же оказались уязвимы для его лжи. Их Падение – это собственничество и (в меньшей степени) искажение своего искусства и превращение его в средство обретения власти (*примеч. автора*).

сопоставимые с нами. Знание Драмы Творения было неполным: неполным у каждого отдельно взятого «бога»; и осталось бы неполным, даже если соединить воедино все знание пантеона. Ибо (отчасти чтобы исправить зло бунтаря Мелькора, отчасти ради того, чтобы замысел был исполнен и завершен до мельчайших подробностей) Творец явил отнюдь не все. Двумя величайшими из тайн стали создание и природа Детей Господних. Боги знали лишь то, что Дети явятся в назначенный срок. Таким образом, Дети Господни изначально сродни и связаны друг с другом, и изначально – различны. Поскольку они также – существа, совершенно «иные», нежели боги, и в создании их боги участия не принимали, боги тянутся к ним душой и исполнены к ним любви. Это – *Перворожденные*, эльфы, и *Пришедшие Следом*, люди. Судьба эльфов – бессмертие и любовь к красоте этого мира, которая расцветет пышным цветом благодаря их утонченным, совершенным дарам; их бытию дано длиться, пока существует мир, и не покидают они его, даже будучи «убиты», но возвращаются – и однако же, с появлением Пришедших Следом удел эльфов – наставлять их, и уступать им место, и «угасать» по мере того, как Пришедшие Следом обретают силу и вбирают в себя жизнь, от которой оба рода произошли. Судьба (или Дар) людей – это смертность, свобода от кругов мира. Поскольку весь цикл представлен с эльфийской точки зрения, смертность через миф не объясняется; это – тайна Господа, о которой ведомо лишь одно: «то, что Господь назначил людям, сокрыто», и здесь – источник печали и зависти для бессмертных эльфов.

Как я уже сказал, свод легенд «Сильмариллион» – вещь необычная, и отличается от всех известных мне подобных произведений тем, что он не антропоцентричен. В центре его внимания и интереса не люди, но «эльфы». Люди неизбежно оказываются вовлечены в повествование: в конце концов, автор – человек, и если обретет аудиторию, это будут люди, и люди по необходимости фигурируют в наших преданиях как таковые, а не только преображенные или отчасти представленные под видом эльфов, гномов, хоббитов и проч. Однако они остаются на периферии – как пришедшие позже, и, хотя значимость их неуклонно растет, вовсе не они – главные герои.

На космогоническом плане имеет место падение: падение ангелов, сказали бы мы. Хотя, конечно же, по форме совершенно отличное от христианского мифа. Эти предания «новые», они не заимствованы напрямую из других мифов и легенд, но неизбежно содержат в себе изрядную долю древних широко распространенных мотивов или элементов. В конце концов, я считаю, что легенды и мифы в значительной степени сотканы из «истины» и, несомненно, представляют отдельные ее аспекты, которые воспринять можно только в такой форме; давным-давно определенные истины и формы воплощения такого рода были открыты и неизбежно возникают вновь и вновь. Не может быть «истории» без падения – все истории в конечном счете повествуют о падении – по крайней мере для человеческих умов, таких, какие мы знаем и какими наделены.

Итак, продолжаем: эльфы пали – прежде, чем их «история» смогла стать историей в повествовательном смысле этого слова. (Первое падение людей, в силу приведенных причин, нигде не фигурирует: когда люди появляются на сцене, все это осталось в далеком прошлом; существуют лишь слухи о том, что на какое-то время люди оказались под властью Врага и что некоторые из них раскаялись.) Основной корпус предания, «Сильмариллион» как таковой, посвящен падению одареннейшего рода эльфов, изгнанию их из Валинора (некое подобие Рая, обитель Богов) на окраинном Западе, их возвращению в Средиземье, землю, где они родились, но где давно уже господствует Враг, их борьбе с ним, пока еще зримо воплощенной силой Зла. Название книги объясняется тем, что связующей нитью для всех событий становится судьба и суть Первозданных Самоцветов, или *Сильмарилли* («сияние чистого света»). Сотворение драгоценных камней главным образом символизирует собою эльфийскую функцию вторичного творчества, однако ж Сильмарилли – нечто большее, чем просто красивые вещицы. И был Свет. И был Свет Валинора зримо явлен в Двух Древах, Серебряном и Золо-

том. Враг убил их из злобы, и на Валинор пала тьма, хотя от них, прежде чем они умерли окончательно, был взят свет Солнца и Луны. (Характерное различие между этими легендами и большинством других состоит в том, что Солнце – не божественный символ, но вещь «второго порядка», и «солнечный свет» (мир под солнцем) становятся терминами для обозначения падшего мира и искаженного, несовершенного видения.)⁷

Однако главный искусник эльфов (Феанор) заключил Свет Валинора в три непревзойденных самоцвета, Сильмарилли, еще до того, как Древа были осквернены и погибли. Таким образом, впредь сей Свет жил лишь в этих драгоценных камнях. Падение эльфов является следствием собственнического отношения Феанора и его семерых сыновей к этим камням. Враг завладевает ими, вставляет их в свою Железную Корону и хранит их в своей неприступной твердыне. Сыновья Феанора дают ужасную, кощунственную клятву вражды и мести, – против всех и кого угодно, не исключая и богов, кто дерзнет посягнуть на Сильмарилли или станет утверждать свое право на них. Они сбивают с пути большую часть своего народа; те восстают против богов, покидают рай и отправляются на безнадежную войну с Врагом. Первым следствием их падения становится война в Раю, гибель эльфов от руки эльфов; и это, а также их пагубная клятва неотступно сопутствуют всему их последующему героизму, порождая предательство и сводя на нет все победы. «Сильмариллион» – это история Войны эльфов-Изгнанников против Врага, все события которой происходят на северо-западе мира (в Средиземье). В него включено еще несколько преданий о триумфах и трагедиях, однако заканчивается это все катастрофой и гибелью Древнего Мира, мира долгой *Первой эпохи*. Самоцветы обретенны вновь (благодаря вмешательству богов под самый конец) – однако для эльфов они навсегда утрачены: один канул в море, другой – в земные недра, а третий стал звездой в небесах. Этот легендарный завершается повествованием о конце мира, о его разрушении и возрождении, о возвращении Сильмарилли и «света до Солнца» – после последней битвы, которая, как мне кажется, более всего прочего навеяна древнескандинавским образом Рагнарека, хотя не слишком-то на него похожа.

По мере того, как предания становятся менее мифологичными и все более уподобляются историям как таковым и эпосам, в них вступают люди. По большей части это «хорошие люди» – семьи и их вожди, что, отрекшись от служения Злу и прослышав о Богах Запада и Высоких эльфах, бегут на запад и вступают в общение с эльфами-Изгнанниками в разгар их войны. В преданиях фигурируют главным образом люди из Трех Домов Праотцев; их вожди стали союзниками эльфийских владык. Общение людей и эльфов уже предвещает историю более поздних эпох, и повторяющейся темой звучит мысль о том, что в людях (таковых, каковы они сейчас) есть толика «крови» и наследия эльфов и что людские искусство и поэзия в значительной степени зависят от нее или ею определяются. Таким образом, имеют место два брачных союза представителей рода смертных и эльфов: оба впоследствии объединяются в роду потомков Эарендила,⁸ представленном Эльрондом Полуэльфом, который фигурирует во всех историях, и даже в «Хоббите». Главное из преданий «Сильмариллиона», и притом наиболее полно разработанное – это «Повесть о Берене и эльфийской деве Лутиэн». Здесь, помимо всего прочего, мы впервые встречаемся со следующим мотивом (в «Хоббитах» он станет доминирующим): великие события мировой истории, «колесики мира», зачастую вращают не владыки и правители, и даже не боги, но те, кто вроде бы безвестен и слаб, – благодаря тайной жизни творения

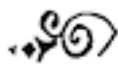
⁷ Если говорить о символическом или аллегорическом значении, Свет – настолько основополагающий символ в природе вселенной, что проанализировать его вряд ли возможно. Свет Валинора (источник коего – свет до падения) – это свет искусства, не отъединенного от разума, что провидит явления как на научном (или философском) плане, так и на плане образном (или плане вторичного творчества) и «говорит, что это хорошо» – поскольку прекрасно. Свет Солнца (или Луны) был взят от Дерев лишь после того, как их осквернило Зло (*примеч. автора*).

⁸ Разумеется, в реальности это значит только то, что мои «эльфы» – лишь воплощение или репрезентация некоей части человеческой природы, но в легендах так не скажешь (*примеч. автора*).

и той составляющей части, неведомой никому из мудрых, кроме Единого, которую привносят в Драму Дети Господни. Никто иной как Берен, изгой из рода смертных, добивается успеха (с помощью Лутиэн, всего лишь слабой девы, пусть даже эльфийки королевского рода) там, где потерпели неудачу все армии и воины: он проникает в твердыню Врага и добывает один из Сильмарилли Железной Короны. Таким образом он завоевывает руку Лутиэн и заключается первый брачный союз смертного и бессмертной.

История как таковая (мне она представляется прекрасной и впечатляющей) является героико-волшебным эпосом, что сам по себе требует лишь очень обобщенного и поверхностного знания предыстории. Но одновременно она – одно из основных звеньев цикла, и, вырванная из контекста, часть значимости утрачивает. Ибо отвоевание Сильмарила, высшая из побед, ведет к катастрофе. Клятва сыновей Феанора вступает в действие, и желание завладеть Сильмарилем обрекает все эльфийские королевства на гибель.

В цикл входят и другие предания, почти столь же полно разработанные и почти столь же самодостаточные – и однако ж связанные с историей в целом. Есть «Дети Хурина», трагическая повесть о Турине Турамбаре и его сестре Ниниэль, где в качестве главного героя выступает Турин: персонаж, как сказали бы (те, кому нравятся такого рода рассуждения, хотя толку в них чуть), унаследовавший ряд черт Сигурда Вельсунга, Эдипа и финского Куллерво. Есть «Падение Гондолина»: главной эльфийской твердыни. А еще – предание, или ряд преданий, о «Страннике Эарендиле». Это крайне значимый персонаж, поскольку он приводит «Сильмариллион» к финалу; он же через своих потомков обеспечивает основные связки и персонажей для преданий более поздних эпох. Его функция как представителя обоих Народов, людей и эльфов, заключается в том, чтобы отыскать путь через море назад в Землю Богов и в качестве посланника убедить их вновь вспомнить об Изгнанниках, сжалиться над ними и спасти их от Врага. Его жена Эльвинг происходит от Лутиэн и до сих пор владеет Сильмарилем. Однако проклятье по-прежнему действует, и сыновья Феанора разоряют дом Эарендила. Но тем самым обретен выход: Эльвинг, спасая Самоцвет, бросается в Море, воссоединяется с Эарендилем, и благодаря силе великого Камня они наконец-то попадают в Валинор и выполняют свою миссию – ценою того, что отныне им не позволено вернуться ни к людям, ни к эльфам. Тогда боги вновь выступают в поход, великая рать является с Запада, и Твердыня Врага разрушена; а сам он выдворен из Мира в Пустоту, дабы никогда более не возвращаться в воплощенном виде. Оставшиеся два Сильмарила извлечены из Железной Короны – и снова утрачены. Последние двое сыновей Феанора, побуждаемые клятвой, похищают Самоцветы – и через них находят свою гибель, бросившись в море и в расщелину земли. Корабль Эарендила, украшенный последним Сильмарилем, вознесен в небеса как ярчайшая из звезд. Так заканчивается «Сильмариллион» и предания Первой эпохи.

В следующем цикле речь идет (или пойдет) о Второй эпохе. Но для Земли это – темные времена, об истории которых рассказывается немного (да больше и не стоит). В великих битвах против Изначального Врага материка раскололись и подверглись разрушениям, и Запад Средиземья превратился в бесплодную пустошь. Мы узнаем, что эльфам-Изгнанникам если не приказали, то по крайней мере настоятельно посоветовали возвратиться на Запад и жить там в покое и мире. Им предстояло навечно поселиться не в Валиноре, но на Одинокоем острове Эрессеа в пределах видимости Благословенного Королевства. Людей Трех Домов вознаградили за доблесть и верность союзникам тем, что позволили им поселиться «западнее всех прочих смертных», в *Нуменоре*, на огромном острове-«Атлантиде». Смертность, судьбу или дар Господень, боги, конечно же, отменить не в силах, однако нуменорцам отпущен долгий

срок жизни. Они подняли паруса, отплыли из Средиземья и основали великое королевство мореходов почти в виду Эрессеа (но не Валинора). Большинство Высоких эльфов тоже возвратились на Запад. Но не все. Часть людей, тех, что в родстве с нуменорцами, остались в землях неподалеку от морского побережья. Некоторые из Изгнанников возвратиться вообще не пожелали или отложили возвращение (ибо путь на запад для бессмертных открыт всегда, и в Серых Гаванях стоят корабли, готовые уплыть без возврата). Да и орки (гоблины) и прочие чудовища, выведенные Изначальным Врагом, уничтожены не все. Кроме того, есть *Саурон*. В «Сильмариллионе» и Преданиях Первой эпохи Саурон, один из обитателей Валинора, предался злу, перешел на сторону Врага и стал его главным полководцем и слугою. Когда Изначальный Враг терпит сокрушительное поражение, Саурон в страхе раскаивается, но в итоге не является, как ему приказано, на суд богов. Он остается в Средиземье. Очень медленно, начиная с благих побуждений, – преобразования и восстановления разоренного Средиземья, «о котором боги позабыли», – он превращается в новое воплощение Зла и существо, алчущее Абсолютной Власти – и потому снедаем все более жгучей ненавистью (особенно к богам и эльфам). На протяжении сумеречной Второй эпохи на Востоке Средиземья растет Тень, все больше и больше подчиняя себе людей – которые умножаются в числе по мере того, как эльфы начинают угасать. Таким образом, три основные темы сводятся к следующему: задержавшиеся в Средиземье эльфы; превращение Саурана в нового Темного Властелина, повелителя и божество людей; и Нуменор-Атлантида. Они представлены в виде анналов и в двух Преданиях, или Повестях, «Кольца Власти» и «Низвержение Нуменора». Оба важны в качестве фона для «Хоббита» и его продолжения.

В первом представлено что-то вроде второго падения или по крайней мере «заблуждения» эльфов. По сути не было ничего дурного в том, что они задержались вопреки совету, по-прежнему скорбно с⁹ смертных землях их древних героических деяний. Однако ж им хотелось один пирог да съесть дважды. Им хотелось наслаждаться миром, блаженством и совершенной памятью «Запада» – и в то же время оставаться на брэнной земле, где их престиж как высшего народа, стоящего над дикими эльфами, гномами и людьми, был несравненно выше, нежели на нижней ступени иерархии Валинора. Так они стали одержимы «угасанием» – именно в этом ключе они воспринимали временные изменения (закон мира под солнцем). Они сделались печальны, искусство их (скажем так) обращено в прошлое, а все их старания сводились к своего рода бальзамированию – даже при том, что они сохранили древнее стремление своего народа к украшению земли и исцелению ее ран. Мы узнаем об уцелевшем королевстве под властью Гильгалада¹⁰ – на окраинном северо-западе, примерно на тех древних землях, что остались еще со времен «Сильмариллиона», и о других поселениях – таких, как Имладрис (Ривенделл) близ Эльронда¹¹; и обширный край Эрегион у западного подножия Туманных гор, близ Копей Мории, главного гномьего королевства Второй эпохи. Там в первый и единственный раз возникла дружба между обычно враждебными народами (эльфами и гномами), а кузнечное ремесло достигло высшей ступени развития. Однако многие эльфы прислушались к Саурону. В те стародавние дни он еще обладал прекрасным обликом, и его побуждения вроде бы отчасти совпадали с целями эльфов: исцелить разоренные земли. Саурон отыскал слабое место эльфов, предположив, что, помогая друг другу, они сумеют сделать западное Средиземье столь же прекрасным, как Валинор. На самом-то деле то был завуалированный выпад против богов; подстрекательство попытаться создать отдельный независимый рай. Гильгалад все эти предложения отверг, как и Эльронд. Но в Эрегионе закипела великая работа – и эльфы оказались на

⁹ [В этом предложении машинисткой пропущены несколько слов оригинала.]

¹⁰ В данном случае и далее по тексту письма таково написание оригинала.

¹¹ По всей видимости, опечатка в тексте. Вместо предлога «near» (рядом) уместен был бы предлог «under» (здесь – под властью (Эльронда)).

волосок от того, чтобы взяться за «магию» и машины. При помощи Сауруновых познаний они сделали *Кольца Власти* («власть» (*power*) во всех этих преданиях – слово злое и недоброе, за исключением тех случаев, когда оно применяется по отношению к богам).

Главное их свойство (в этом Кольца были схожи) состояло в предотвращении или замедлении *упадка* (т. е. «перемен», воспринимаемых как нечто нежелательное), в сохранении всего желанного или любимого, или его подобия, – такой мотив более или менее характерен для эльфов в целом. Но при этом кольца усиливали врожденные способности владельца – тем самым приближаясь к «магии», а это побуждение легко исказить и обратить во зло, в жажду господства. И, наконец, они наделены и другими свойствами, которыми они обязаны Саурону уже непосредственно («Некроманту»: так именуется он, роняющий мимолетную тень, как предзнаменование, на страницы «Хоббита»): например, делают невидимыми материальные объекты и видимыми – сущности незримого мира.

Эльфы Эрегиона создали, почти исключительно силой своего собственного воображения, без подсказки, Три несказанно прекрасных и могущественных кольца, направленных на сохранение красоты: эти невидимостью не наделяли. Но тайно, в подземном Огне, в своей Черной Земле, Саурон создал Единое Кольцо, Правящее Кольцо, что заключало в себе свойства всех прочих и контролировало их, так что носящий его мог прозревать мысли всех тех, кто пользовался меньшими кольцами, мог управлять всеми их действиями и в конечном счете мог целиком и полностью поработить их. Однако Саурон не принял в расчет мудрости и чуткой проницательности эльфов. Едва он надел Единое Кольцо, эльфы узнали об этом, постигли его тайный замысел и устремились. Они спрятали Три Кольца, так что даже Саурон не сумел отыскать их, и они остались неоскверненными. Остальные же Кольца эльфы попытались уничтожить.

В последовавшей войне между Сауроном и эльфами Средиземье, особенно в его западной части, подверглось новым разрушениям. Эрегион был завоеван и razoren, и Саурон захватил в свои руки немало Колец Власти. Их он раздал тем, что согласились принять кольца (из честолюбия или жадности), дабы окончательно исказить и поработить их. Отсюда – «древние стихи», ставшие лейтмотивом «Властелина Колец»:

*Три – эльфийским владыкам в подзвездный предел;
Семь – для гномов, царящих в подгорном просторе;
Девять – смертным, чей выверен срок и удел.
И Одно – Властелину на черном престоле
В Мордоре, где вековая тьма.¹²*

Таким образом Саурон обретает в Средиземье почти абсолютную власть. Эльфы еще держатся в потаенных укрытиях (до поры не обнаруженных). Последнее эльфийское королевство Гильгалада расположено на окраинном западном побережье, где находятся гавани Кораблей: положение его крайне непрочное. Эльронд Полуэльф, сын Эарендила, хранит своего рода зачарованное убежище в *Имладрисе* (*Ривенделл* по-английски) на восточной границе западных земель. Однако Саурон повелевает умножающимися ордами людей, которые никогда не общались с эльфами, а через них, косвенно – с истинными и непадшими Валар и богами. Он правит растущей империей из гигантской темной башни Барад-дур в Мордоре, близ Горы Огня, владея Единым Кольцом.¹³

¹² Пер. И. Гриншпун.

¹³ Эльронд в этих историях символизирует древнюю мудрость, а Дом его олицетворяет собою Знание – благоговейное сохранение в памяти всех преданий о добре, мудрости и красоте. Это место не *действия*, но *размышления*. Таким образом через Имладрис пролегает путь ко всем деяниям или «приключениям». Он может оказаться по дороге (как в «Хоббите»); однако порою необходимость велит уходить оттуда совершенно неожиданным маршрутом. Так, по воле обстоятельств, во

Но, чтобы достичь этого, ему пришлось вложить большую часть своей собственной внутренней силы (распространенный и весьма значимый мотив в мифе и волшебной сказке) в Единое Кольцо. Когда он надевал Кольцо, его власть над землей, по сути дела, возрастала. Но даже если Кольца он не надевал, эта сила все равно существовала и пребывала «в контакте» с ним: он не «умался». До тех пор, пока кто-либо другой не захватил бы Кольца и не объявил бы его своим. Если бы такое произошло, новый владелец мог бы (если бы был от природы достаточно силен и героичен) бросить вызов Саурону, овладеть всем, что тот узнал или сотворил со времен создания Единого Кольца и, таким образом, сверг бы Саурона и узурпировал бы его место. В этом-то и заключался основной просчет: пытаясь (по большей части безуспешно) поработить эльфов и желая установить контроль над умами и волей своих слуг, Саурон сам неизбежно оказывался уязвим. Было и еще одно слабое место: если Единое Кольцо *уничтожить*, истребить, тогда сила Саурона растаяла бы, а само его существо умалилось бы вплоть до полного исчезновения, так что он превратился бы в тень, в жалкое воспоминание о злонамеренной воле. Но такой возможности он не рассматривал и не опасался этого. Кольцо не сумел бы уничтожить ни один кузнец, уступающий искусством самому Саурону. Его нельзя было расплавить ни в каком огне, кроме лишь того неугасимого подземного пламени, где оно было отковано, – недостижимого пламени Мордора. И так силен был соблазн Кольца, что любой, кто им пользовался, подпадал под его власть; ни у кого не достало бы силы воли (даже у самого Саурона) повредить Кольцо, выбросить его или пренебречь им. По крайней мере, так он думал. В любом случае, Кольцо он носил на пальце.

Таким образом, на протяжении Второй эпохи, у нас есть великое Королевство и теократия зла (ибо Саурон также – божество для своих рабов), что набирает силу в Средиземье. На западе, – собственно говоря, северо-запад – единственная подробно описанная область в этих преданиях, – находятся ненадежные прибежища эльфов, а люди тех земель остаются более-менее неиспорченными, пусть и невежественными. Лучшие, более благородные люди, по сути дела, являются родней тех, кто уплыл в Нуменор, но пребывают в состоянии «гомеровской» простоты патриархально-племенной жизни.

Тем временем богатство, мудрость и слава *Нуменора* все росли под властью рода великих королей-долгожителей, прямых потомков Эльроса, сына Эарендила, брата Эльронда. «Низвержение Нуменора», Второе Падение людей (людей исправленных, и все-таки смертных) оборачивается катастрофой, что положила конец не только Второй эпохе, но и Древнему Миру, первозданному миру легенды (представленному как плоский и имеющий предел). После этого начинается Третья эпоха, Век Сумерек, *Medium Aevum*, первая эпоха расколотого, измененного мира и последняя для длительного владычества зримых, полностью воплощенных эльфов; и последняя, когда Зло принимает единое, исполненное могущества, воплощенное обличие.¹⁴

«Низвержение» отчасти является результатом внутренней слабости в людях – следствия, если угодно, первого Падения (о котором в этих преданиях речи не идет): люди раскаялись, но окончательно исцелены не были. Награда на земле для людей куда опаснее наказания! Падение свершилось благодаря тому, что Саурон коварно воспользовался этой слабостью. Центральной темой здесь (как мне кажется, в истории о людях это неизбежно) является Воспреещение, или Запрет.

Нуменорцы живут у предела видимости самой восточной из «бессмертных» земель, Эрессеа; и, поскольку они единственные из людей говорят по-эльфийски (этот язык они выучили во времена Союза), они постоянно общаются со своими давними друзьями и союзниками, – и теми, что живут на благословенном Эрессеа, и теми, что из королевства Гильгалада

«Властелине Колец», укрывшись у Эльронда от неотвратимого преследования уже явленного зла, герой отправляется в абсолютно новом направлении: дабы бросить злу вызов у его истока (*примеч. автора*).

¹⁴ Средний век (*лат.*).

на берегах Средиземья. Таким образом они сделались и видом, и даже способностями почти неотличимы от эльфов, – однако ж оставались смертны, хотя наградой им стал тройной и более чем тройной срок жизни. Награда оборачивается для них гибелью – или орудием искушения. Их долгая жизнь способствует достижениям в искусстве и умножению мудрости, но порождает собственническое отношение к тому и к другому; и вот они уже жаждут больше *времени* на то, чтобы всем этим наслаждаться. Отчасти предвидя это, боги с самого начала наложили на нуменорцев Запрет: никогда не плавать к Эрессеа и на запад – лишь до тех пор, пока виден их собственный остров. Во всех прочих направлениях они могли путешествовать, куда хотели. Людям не позволялось ступать на «бессмертные» земли, чтобы те не пленились бессмертием (в пределах мира), которое противоречит предписанному им закону, особой судьбе или дару Илуватара (Господа): сама их природа, по сути дела, бессмертия не выдержала бы.¹⁵

В отпадении нуменорцев от благодати можно проследить три фазы. Сперва – покорность, послушание свободное и добровольное, пусть и без полного понимания. Затем на протяжении долгого времени они повинуются неохотно, ропща все более и более открыто. Под конец они восстают – возникает раскол между людьми Короля, бунтовщиками, и небольшим меньшинством преследуемых Верных.

На первой стадии, будучи народом мирным, нуменорцы проявляют свою доблесть в морских плаваниях. Потомки Эарендила, нуменорцы стали превосходными мореходами, и, поскольку на Запад им путь был закрыт, они плавают до самого крайнего севера, и на юг, и на восток. По большей части пристают они у западных берегов Средиземья, где помогают эльфам и людям в борьбе с Сауроном и навлекают на себя его непримиримую ненависть. В те дни они являлись к дикарям почти как божественные благодетели, принося дары искусства и знания, и вновь уплывали, – оставляя по себе немало легенд о королях и богах, приходящих со стороны заката.

На второй стадии, во дни Гордыни и Славы, и недовольства Запретом, они стали стремиться скорее к богатству, нежели к благоденствию. Желание спастись от смерти породило культ мертвых; богатства и искусства расточались на гробницы и монументы. Теперь они основали поселения на западном побережье, но поселения эти становились скорее крепостями и «факториями» владык, взыскующих богатств; нуменорцы превратились в сборщиков дани и увозили за море на своих огромных кораблях все больше и больше добра. Нуменорцы принялись ковать оружие и строить машины.

Со вступлением на престол тринадцатого короля из рода Эльроса, Тар-Калиона Золотого, самого могущественного и гордого из всех королей, эта фаза закончилась и началась последняя. Узнав, что Саурон присвоил себе титул Короля Королей и Владыки Мира, Тар-Калион решил усмирить «узурпатора». В ореоле мощи и величия он отправляется в Средиземье, и столь громадна его армия, и столь ужасны нуменорцы в день своей славы, что слуги Саурана не смеют противостоять им. Саурон смиряется, преклоняется перед Тар-Калионом и отвезен в Нуменор в качестве заложника и пленника. Но там, благодаря своему коварству и познаниям, он стремительно возвышается от слуги до главного королевского советника и своими лживыми наветами склоняет ко злу короля и большинство лордов и жителей острова. Он отрицает существование Бога, утверждая, что Единый – это лишь выдумка завистливых Валар Запада, оракул их собственных желаний. А главный из богов – тот, что обитает в Пустоте, тот, что в конце концов одержит победу и создаст в пустоте бесчисленные королевства для своих

¹⁵ Подразумевается (становится очевидно позже, в случае с хоббитами, которые какое-то время владели Кольцом), что каждый «народ» от природы наделен сроком жизни, соответствующим его биологической и духовной сути. *Увеличить* его качественно или количественно на самом деле нельзя; так что продление во времени подобно тому, как если бы проволока натягивалась все туже или «масло намазывалось все тоньше» – и становится невыносимой пыткой (*примеч. автора*).

слуг. Запрет же – не более, чем обманная уловка, подсказанная страхом и рассчитанная на то, чтобы не позволить Королям Людей отвоевать для себя жизнь вечную и соперничать с Валар.¹⁶

Возникает новая религия и поклонение Тьме, со своим храмом, выстроенным по наущению Саурона. Верных преследуют и приносят в жертву. Нуменорцы приходят со злом и в Средиземье и становятся там жестокими и злыми владыками-некромантами, убивая и мучая людей; древние легенды заслоняются новыми преданиями, мрачными и ужасными. Однако на северо-западе ничего подобного не происходит; ибо туда, где живут эльфы, приплывают только Верные, оставшиеся эльфам друзьями. Главная гавань неиспорченных нуменорцев находится близ устья великой реки Андуин. Оттуда влияние Нуменора, все еще благое, распространяется вверх по Реке и вдоль побережья на север вплоть до самого королевства Гильгалада, по мере того, как складывается Всеобщее наречие.

Но наконец замысел Саурона осуществляется. Тар-Калион чувствует, как к нему подступают старость и смерть, прислушивается к последнему наущению Саурона и, построив величайшую из флотилий, отплывает на Запад, нарушая Запрет, и идет на богов войной, дабы силой вырвать у них «жизнь вечную в пределах кругов мира». Перед лицом подобного бунта, этого вопиющего безумства и кощунства, а также и перед лицом вполне реальной опасности (ибо нуменорцы, направляемые Сауроном, вполне могли учинить разор в самом Валиноре) Валар слагают с себя доверенную им власть, взывают к Богу и получают силу и дозволение действовать; старый мир разрушен и изменен. Разверзшаяся в море пропасть поглощает Тар-Калиона и его флотилию. Сам Нуменор, оказавшись на краю разлома, обрушивается и навечно исчезает в бездне вместе со всем своим величием. После этого на земле не остается зримых обиталищ существ божественной и бессмертной природы. Валинор (или Рай) и даже Эрессеа изъяты и сохранились лишь в памяти земли. Теперь люди могут плыть на Запад, если захотят, и так далеко, как только могут, но к Валинору и к Благословенному Королевству они не приблизятся, а вновь окажутся на востоке и так возвратятся обратно; ибо мир стал круглым, и ограниченным, и из сферы его не вырваться иначе, как через смерть. Лишь «бессмертные», задержавшиеся на земле эльфы, до сих пор могут, ежели пожелают, устав от кругов мира, взойти на корабль и отыскать «прямой путь», достичь древнего или Истинного Запада и обрести там покой.

Итак, ближе к концу Второй эпохи происходит великая катастрофа; однако эпоха еще не окончена. Остались те, кто выжил в катаклизме: *Элендиль Прекрасный*, предводитель Верных (имя его означает «Друг эльфов») и его сыновья *Исильдур* и *Анарион*. Элендиль, персонаж, уподобленный Ною, не принимал участия в бунте; на восточном побережье Нуменора стояли его корабли, подготовленные к отплытию и с людьми на борту. Он бежит прочь перед всесокрушающей бурей гнева Запада и подхвачен и высоко вознесен вздымающимися волнами, разрушившими запад Средиземья. Он и его люди выброшены на берег; отныне они – изгнанники. Там они основывают нуменорские королевства: Арнор на севере, близ владений Гильгалада, и Гондор близ устьев Андуина дальше к югу. Саурон, будучи бессмертным, едва спасается при гибели Нуменора и возвращается в Мордор, где спустя некоторое время набирает достаточную силу, чтобы бросить вызов изгнанникам Нуменора.

Вторая эпоха завершается созданием *Последнего Союза* (людей и эльфов) и великой осадой Мордора. Она заканчивается низвержением Саурона и уничтожением второго зримого воплощения зла. Однако победа досталась дорогой ценой, и при одной пагубной ошибке. Гильгалад и Элендиль пали в битве с Сауроном. Исильдур, сын Элендила, срубил кольцо с руки Саурона, – и сила покинула Саурона, а дух его бежал во тьму. Однако зло начинает действовать. Исильдур объявляет Кольцо своим как «виру за отца» и отказывается бросить его в Огонь тут же, рядом. Он уводит войско, но тонет в Великой Реке; Кольцо утрачено и исчезает бесследно

¹⁶ [На момент написания данного письма был в силе исходный вариант истории правителей Нуменора, согласно которому Тар-Калион (Ар-Фаразон) был тринадцатым, а не двадцать пятым по счету королем, как стало впоследствии.]

неведомо куда. Однако оно не уничтожено, и Темная Башня, отстроенная с его помощью, все еще стоит, пустая – но и не разрушенная. Так заканчивается Вторая эпоха – с утверждением нуменорских владений и гибелью последнего короля Высоких эльфов.

Айнулиндалэ

Музыка Айнур

Был Эру, Единый, кого в Арде называют Илуватар; и сперва создал он Айнур, Священных, что явились порождением его мысли, и пребывали они с ним прежде, чем создано было что-то еще. И обратился он к ним, и задал музыкальные темы; и запели они перед ним, и возрадовался он. Но долгое время пели они каждый в свой черед или несколько вместе, а остальные внимали молча; ибо каждому ясна была только та часть помыслов Илуватара, от которой происходил он сам; и лишь медленно приходили они к пониманию своих собратьев. Однако же, слушая, все более постигали они, и росли между ними согласие и гармония.

И вот созвал Илуватар воедино всех Айнур, и объявил им великую тему, раскрывая перед ними знания еще более глубокие и удивительные, нежели прежде; и поразили Айнур красота ее начала и великолепие завершения, и молча преклонились они перед Илуватаром.

И рек им Илуватар: «Ту тему, что возвестил я вам, повелеваю теперь вам вместе воплотить в Великую Музыку. И как возжег я в вас Неугасимое Пламя, вольны вы явить свои силы, украсив эту тему, каждый – своими собственными помыслами и вариациями, ежели пожелаете. Я же буду слушать и радоваться, что через вас великая красота, пробудившись, стала песней».

И зазвучали голоса Айнур, подобно арфам и лютням, свирелям и трубам, виолам и органам, и, подобно бесчисленным хорам певцов, начали они воплощать тему Илуватара в великую музыку, и из бесконечно сменяющих друг друга мелодий, сплетенных в гармонии, возникла песнь, что устремилась за пределы слуха к высотам и в бездны, затопила кущи Илуватара, а музыка и эхо ее полились дальше, в Пустоту, и не была она уже пустотой. Никогда впредь не создавали Айнур музыки, подобной этой; но сказано было, что музыку еще более великую сотворят перед престолом Илуватара хоры Айнур и Детей Илуватара по окончании дней. Тогда темы Илуватара будут сыграны как должно и, звуча, обретут Бытие; ибо каждый поймет тогда до конца, что назначил Илуватар его теме, и каждый постигнет разумение другого, и возрадуется Илуватар, и зажжет в их помыслах скрытое пламя.

Но в ту пору Илуватар сидел и внимал, и долгое время казалось ему, что это хорошо весьма, ибо в музыке не было фальши. Но по мере развития темы Мелькор восхотел в сердце своем вплести в нее порождения своих собственных помышлений, каковые звучали в разлад с темой Илуватара, ибо Мелькор жаждал возвеличить славу и мощь назначенной ему роли. Это Мелькору, из всех Айнур, даны были величайшие дары могущества и знания, а также и доля во всех дарах его собратьев. Часто странствовал он один, в пустоте, взыскав Неугасимого Пламени, ибо распалялось в нем желание дать Бытие собственным творениям; и казалось ему, что Илуватару дела нет до Пустоты, и не давала Мелькору покоя ее праздность. Однако не обрел он Огня, ибо Огонь принадлежит Илуватару. Но в одиночестве рождались у него мысли иные, нежели у собратьев его.

И теперь часть этих мыслей вплел он в музыку, и тотчас же вокруг него возник разлад, и те, кто пели подле, удручились, и смутились их помыслы, и оборвалась их песня, иные же принялись подстраивать свою музыку под тему Мелькора, а не к той мысли, что владела ими поначалу. И так разлад, внесенный Мелькором, ширился и нарастал, и мелодии, прежде слышимые, потонули в море буйства звуков. Но Илуватар сидел и внимал, и наконец стало казаться, будто яростный шторм бушует у подножия его трона, и черные волны в беспредельной, не знающей утоления ярости сталкиваются одна с другой.

Тогда встал Илуватар, и заметили Айнур, что улыбается он; и воздел он левую руку, и новая тема зазвучала среди бури; тема, подобная прежней, и в то же время отличная от нее; и набирала она силу и была по-новому прекрасна. Но нестройная песнь Мелькора зазвучала еще яростнее, споря с нею, и снова звуки схлестнулись в битве, еще более неистовой, чем прежде; убоились многие из Айнур и смолкли, и Мелькор остался победителем. И снова поднялся Илуватар, и увидели Айнур, что суров облик его; и воздел он правую руку, и се! – третья тема зазвучала среди всеобщего разногласия, отличная от первых двух. Ибо сначала казалась она тихой и нежной, всего лишь переливом чистых звуков в певучей мелодии; но невозможно было заглушить ее, и набирала она мощь и глубину. И показалось наконец, что две мелодии звучат одновременно у трона Илуватара, в разладе друг с другом. Одна была выразительна, глубока и прекрасна, но неспешна, и неизбежное страдание переполняло ее, и в этом, наверное, заключалась ее главная красота. Вторая наконец достигла некоего внутреннего единства, но громко и вызывающе звучала она, без конца повторяясь; и не было в ней гармонии, но скорее крикливый унисон, подобно звуку многих труб, выдувающих две-три ноты. И пыталась она заглушить ту, другую музыку неистовством своих звуков, только казалось, что самые победные ее ноты поглощаются первой и вплетаются в ее собственный торжественный узор.

И в разгар этой борьбы, от которой содрогались чертоги Илуватара и трепет охватывал безмолвные, доселе недвижные пространства, поднялся Илуватар в третий раз, и ужасен был лик его. И воздел он вверх руки, и единым аккордом, глубже, нежели Бездна, выше, чем Небесный свод, всепроникающая, точно взор Илуватара, Музыка смолкла.

Тогда заговорил Илуватар, и рек он: «Могучи Айнур, а Мелькор – могущественнейший из них, но дабы знал он, и все Айнур, что я – Илуватар, то, о чем вы пели, я покажу вам как есть, чтобы видели вы, что содеяли. А ты, Мелькор, увидишь, что невозможно сыграть тему, которая не брала бы начала во мне, и никто не властен менять музыку вопреки мне. Ибо тот, кто попытается сделать это, окажется моим же орудием в созидании сущностей еще более удивительных, о каких он сам и не мыслил».

И устрашились Айнур, и не поняли они до поры обращенных к ним слов, Мелькор же устыдился, а стыд породил тайный гнев. И поднялся Илуватар в величии своем, и направился прочь от прекрасных кущ, сотворенных им для Айнур, и Айнур последовали за ним.

Когда же вступили они в Пустоту, рек им Илуватар: «Узрите свою музыку!» И явил он им видение, даруя зрению то, что прежде было лишь достоянием слуха; и предстал перед ними новый, ставший видимым Мир, и покоилась сфера Мира среди Пустоты, и Пустота поддерживала его, но не ей принадлежал он. А пока глядели Айнур и изумлялись, начала разворачиваться история Мира, и показалось им, что Мир живет и меняется. Долго взирали на него Айнур, безмолвствуя, и снова рек им Илуватар: «Узрите свою Музыку! Вот ваша песнь; и каждый из вас обнаружит, что запечатлено в ней, как часть узора, что задал я вам, все то, что каждый из вас, как может показаться, задумал или добавил. А ты, Мелькор, обнаружишь здесь все тайные свои помышления и убедишься, что все они – только часть целого и дань его величию».

И много другого сказал в тот раз Айнур Илуватар, и, так как помнят они его слова и знают ту часть музыки, что сотворил каждый из них, многое известно Айнур о том, что было, есть и будет, и мало что скрыто от их взора. Но есть то, чего не прозревают даже они, ни каждый в отдельности, ни совещаюсь все вместе, ибо никому доселе не открыл Илуватар всей полноты своего замысла; и каждая эпоха приносит с собой нечто новое, заранее не предсказанное, ибо не в прошлом его корни. Вот почему, когда было явлено Айнур видение мира, узрели они многое, о чем доселе не помышляли. С изумлением узрели они приход Детей Илуватара; и готово

было для них прибежище. И постигли Айнур, что сами же, создавая свою музыку, подготовили для них сие жилище, не ведая, что предназначение его – иное, помимо заключенной в нем красоты. Ибо Дети Илуватара задуманы были самим Илуватаром, и явились они в третьей теме, а в той теме, что задал Илуватар с самого начала, их не было, и никто из Айнур не причастен к их созданию. И потому тем более возлюбили Детей Айнур, увидя их – существа иные, нежели они сами, непостижимые и свободные, в которых воссиял заново замысел Илуватара, – и постигли еще малую толику его мудрости, что иначе оставалась сокрыта даже от Айнур.

Дети Илуватара – это эльфы и люди, Перворожденные и Пришедшие Следом. И среди всего великолепия Мира, его необозримых пространств и чертогов, и кружащихся огней, Илуватар избрал для них место в Глубинах Времени, промеж бесчисленных звезд. Малым покажется жилище сие тому, кому ведомо лишь величие Айнур, но не их ужасающая взыскательность, ибо в их власти все пространство Арды положить в основание колонны и вознести колонну ввысь, пока конус ее вершины не станет тоньше острия иглы; или тому, кто задумывается лишь о безграничных просторах Мира, что Айнур до сих пор облачают в форму, но не о той кропотливой тщательности, с которой созидают они все, что в Море есть. Когда же узрели Айнур в видении сию обитель и то, как пробудились в ней Дети Илуватара, тогда многие из числа самых могущественных среди них обратили все помыслы свои и желания к этой тверди. Главным же среди них был Мелькор – изначально величайший из Айнур, создававших Музыку. Притворился он, сперва обманываясь и сам, будто бы желал отправиться в Арду и обустроить там все на благо Детям Илуватара, сдерживая неистовство жара и холода, что пришли через него. Однако на самом деле мечтал он подчинить своей воле и эльфов, и людей, завидуя дарам, какие пообещал им Илуватар; и захотелось ему самому иметь подданных и рабов, и называться Владыкой, и властвовать над чужими волями.

Но прочие Айнур взглянули на сию обитель, помещенную в обширных пространствах Мира, – обитель, кою эльфы называют Арда, Земля, – и возликовали их сердца при виде света, и усладились их взоры переливами красок; но рокот моря наполнил смущением их сердца. И узнали они ветра, и воздух, и вещества, из которых сотворена была Арда: железо и камень, серебро и золото, и много иного; но всего более восхваляли они воду. И говорится среди эльдар, что в воде до сих пор жив отзвук Музыки Айнур – более, чем в любой другой материи Земли; и многие из Детей Илуватара и по сей день слушают голоса моря, не в силах наслушаться, и не ведают, чему внимают.

К воде и обратил свои мысли тот из Айнур, кого эльфы зовут Улмо, а он, наученный Илуватаром, глубже всех прочих постиг музыку. Манвэ же, благороднейший среди Айнур, более всего размышлял о воздухе и о ветрах. О материи Земли задумался Аулэ, кому Илуватар дал знание и мастерство едва ли меньшие, нежели Мелькору; только источник радости и гордости для Аулэ – в самом созидании и в том, что создано, но не во владении им и не в мысли о собственном превосходстве; потому раздает он щедрой рукой, а не копит для себя, и, всякий раз переходя к новым трудам, свободен от забот.

И обратился Илуватар к Улмо, говоря: «Видишь – там, в малом королевстве в Глубинах Времени Мелькор уже ополчился противу твоих владений? Он измыслил неумный ледяной холод, но не уничтожил ни красоту твоих фонтанов, ни твои прозрачные заводы. Взгляни на снег, на причудливый морозный узор! Мелькор измыслил жар и всепожирающий огонь – но не иссушил твоего желания и не вовсе заглушил музыку моря. Взгляни же на величие вышних облаков, на изменчивые туманы; прислушайся к шуму дождей, спадающих на Землю! Через облака эти приближен ты к Манвэ, другу твоему, что тебе дорог».

И отвечал Улмо: «Воистину, Вода сделалась еще прекраснее, нежели представлялось мне в сердце моем; даже в тайных помыслах моих не было образа снежинок; во всей моей музыке не звучал шум дождя. Я отправлюсь к Манвэ, дабы он и я вечно сотворяли мелодии тебе на

радость». Так между Манвэ и Улмо с самого начала заключен был союз; и во всем ревностно служили они замыслу Илуватара.

Но едва вымолвил слова свои Улмо, и пока Айнур все еще созерцали видение, как вдруг погасло оно и сокрылось от их взоров; им же показалось, что в этот миг увидели они нечто новое, Тьму, коей не знали прежде, кроме как в мыслях. Но уже прониклись они великой любовью к прекрасному видению; уже заворожил их открывающийся перед ними Мир, что обрел в видении бытие; ибо история Мира не завершилась и круги времени не сошлись, когда видения не стало. И некоторые сказали, будто погасла картина прежде, чем настали Владычество Людей и закат Перворожденных; поэтому, хотя в музыке и запечатлено все, что было и будет, Валар не видели зримо ни воплощения поздних эпох, ни конца Мира.

И взволновались Айнур, но Илуватар воззвал к ним, говоря: «Мне ведомо ваше желание: хотите вы, чтобы все, виденное вами, воистину осуществилось – не только в помыслах ваших, но так, как существуете вы и все же помимо вас. Засим, говорю я: «Эа! Да будет так! И зажгу я в Пустоте Неугасимое Пламя, и возгорится оно в сердце Мира, и Будет Мир; и те из вас, кто пожелает, могут сойти туда». И вдруг увидели Айнур, как вспыхнул вдалеке огонь: точно облако, в сердце которого трепещет живое пламя; и поняли они, что это уже не просто видение, но что Илуватар создал нечто новое: Эа, Мир, который Есть.

Тогда часть Айнур остались подле Илуватара, за пределами Мира, но многие, и среди них немало могущественнейших и прекраснейших, простились с Илуватаром и спустились в Мир. Но одно условие поставил перед ними Илуватар, а может – таково неизбежное следствие их любви: их власть и сила отныне должны быть заключены и связаны в пределах Мира, и пребывать им там вовеки до тех пор, пока не завершится его история, так что в них – жизнь Мира, а Мир – их жизнь. И с тех пор именуются они Валар, Власти Мира.

Когда же Валар вступили в Эа, сперва изумились они и растерялись, ибо казалось, что ничего в мире до поры нет из того, что предстало перед ними в видении: все только начинало возникать из небытия, и бесформенный мир лежал во тьме. Ибо Великая Музыка была не что иное как рост и расцвет мысли в Чертогах Безвременья, а Видение – лишь предвестие будущего; но теперь вступили Валар в мир в самом начале Времени, и постигли Валар, что Мир был лишь предвосхищен и воспет, но именно им назначено воплотить его. И приступили они к великим своим трудам в необозримых и неисследованных пустошах, в веках, давно позабытых и вне счета, пока в Глубинах Времени, в центре необъятных чертогов Эа не наступил тот час, и не возникла та твердь, что назначены были в удел Детям Илуватара. В созидании том главная часть пришлась на долю Манвэ и Аулэ, и Улмо, но и Мелькор был там с самого начала и вмешивался во все, что бы ни делалось, все обращая по возможности к выгоде собственных своих желаний и замыслов; и возжег он великие пожары. И пока Земля была еще молода и объята пламенем, Мелькор возжелал ее и сказал прочим Валар: «Здесь будет мое королевство; объявляю Арду своею!»

Но Манвэ был братом Мелькора в помыслах Илуватара, и главным во второй теме, что породил Илуватар в противовес разладу Мелькора; и он призвал к себе многих духов, как более могущественных, так и менее, и они слетели в пространства Арды на помощь Манвэ, чтобы не помешал Мелькор завершению их трудов и Земля не увяла прежде, чем расцветет. И сказал Манвэ Мелькору: «Не получишь ты королевство сие в свой удел: ибо несправедливо это – ведь и труда других в него вложено не менее, чем твоего». Так возник раздор между Мелькором и прочими Валар, но на сей раз Мелькор отступил, и ушел в иные края, и творил там, что хотел; но желание завладеть королевством Арды по-прежнему царило в его сердце.

Валар же облеклись в форму и цвет, а так как пришли они в Мир во имя любви к Детям Илуватара и уповая на них, то приняли они облик, подобный тому, что предстал перед ними в Видении Илуватара, отличаясь от него лишь величием и блеском. Более того, облик Валар основан на их знании зримого Мира, но не Мира, как он есть; и в облики нуждаются они так,

как мы – в одеждах; мы же можем сбросить одеяния без урона для себя. Так и Валар могут, если пожелают, являться необлаченными, и тогда даже эльдар не могут их видеть со всей ясностью, хотя бы и находясь рядом. Но, облакаясь в зримую форму, одни Валар принимают образ мужчин, другие – женщин, ибо изначально различались они так по нраву своему, и нрав их лишь воплощается в выборе каждого, но не диктуется их выбором; точно так же как среди нас мужчину и женщину различают по одежам, но не одежда делает их мужчиной и женщиной. Однако же обличье, что принимают Великие, не всегда подобно облику королей и королев среди Детей Илуватара; ибо иногда они облакаются в собственные мысли и видимы как образы величественные и грозные.

И призвали к себе Валар немало сотоварищей, – как меньших, так и тех, что почти не уступали им в могуществе, – и трудились они сообща, придавая Земле законченность и упорядочивая хаос. И увидел Мелькор, что делается в Арде: что Валар ступают по земле как видимые силы, облаченные в одежды Мира, являясь взору прекрасными и всемогущими, и благостными; что Земля становится точно сад на радость им, ибо укрошено буйство стихий. И возросла его зависть; принял и он зримое обличье, но из-за нрава его, и кипевшей в сердце злобы, облик его был темным и пугающим. И сошел он в Арду, в ореоле величия и мощи, затмевая прочих Валар: точно скала в море, вершина коей вознеслась выше облаков, одетая льдом, увенчанная дымом и пламенем; и взор его иссушал жаром и пронзал смертельным холодом.

Так началась первая битва Валар с Мелькором за владение Ардой; но о тех бурях мало что ведомо эльфам. Ибо то, что знают они, известно им от самих Валар, их наставников, с коими беседовали эльдар в земле Валинор. Только немного рассказывали им Валар о тех войнах, что случились до прихода эльфов. Однако говорится среди эльдар, что Валар всегда стремились, вопреки Мелькору, править Землей, подготавливая ее к приходу Перворожденных. Воздвигли они земли, но Мелькор уничтожил их; долины углубили они, но Мелькор засыпал их; горы изваяли они, но Мелькор их обрушил; моря они наполнили, а Мелькор расплескал их; и не было в Арде покоя и мира, чтобы хоть что-то успело пойти в рост, ибо как только начинали Валар новый труд, Мелькор разрушал или искажал его плоды. Однако не вовсе напрасными были их старания, и хотя нигде и ни в чем не воплотились полностью замыслы и воля Валар, и очертания и краски всего на свете оказались иными, нежели было в начале задумано, все же Земля медленно обретала форму и застывала. Так, наконец, было создано жилище для Детей Илуватара в Глубинах Времени, среди бесчисленных звезд.

Валаквента

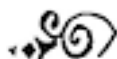
Рассказ о Валар и Майар, как о том повествуется в преданиях эльдар

В начале начал Эру, Единый, кому на эльфийском языке имя Илуватар, создал Айнур, рожденных от его мысли, а они сотворили перед ним Великую Музыку. В этой Музыке и берет свое начало Мир, ибо Илуватар сделал песнь Айнур зримой, и узрели они Мир подобно свету во тьме. И многие среди Айнур пленились его красотой, и его историей, что, начавшись, разворачивалась перед ними словно в видении. И вот Илуватар дал видению Бытие, и поместил его среди Пустоты, и по его воле вспыхнуло в сердце Мира Тайное Пламя. И имя Миру было Эа.

Тогда те из Айнур, что пожелали этого, воспряли и вступили в Мир, в самое начало Времени, и это им назначено было создать его и трудами своими воплотить явленное видение в действительность. Долго трудились они в пространствах Эа, кои не способен объять разум людей или эльфов; и, наконец, в назначенный срок была создана Арда, Королевство Земное. Тогда облеклись Айнур в земные одежды, и сошли в Арду, и воцарились там.

О Валар

Величайшим из этих духов эльфы дали имя Валар, Власти Арды, а люди нередко называют их богами. Число Владыкам Валар – семь, и Валиэр, Королев Валар, тоже семь. Вот их имена на эльфийском языке – так, как язык этот звучал в Валиноре, ибо в Средиземье эльфы зовут их иначе, а среди людей имен им не счесть. Имена Владык в должном порядке таковы: Манвэ, Ульмо, Аулэ, Оромэ, Мандос, Лориэн и Тулкас, а имена Королев – Варда, Йаванна, Ниэнна, Эстэ, Вайрэ, Вана и Несса. Мелькора не причисляют более к Валар, и даже имени его не произносят на Земле.

Манвэ и Мелькор были братьями в помыслах Илуватара. Могущественнейшим из Айнур, пришедших в Мир, был в начале своего бытия Мелькор, но Манвэ ближе всех к Илуватару и яснее прочих понимает его замысел. Именно ему назначено было стать, в свой срок, первым из Королей, владыкою королевства Арды и повелителем всего, что живет в ней. В Арде дороги ему ветра и облака, и все воздушные пределы, от небесных высот до подземных глубин, от верхних границ Покрывала Арды до легких ветерков, что шелестят в траве. Сулимо прозван он, Владыка Дыхания Арды. Любит он птиц, тех, что стремительны, с могучими крыльями; и по его слову они спускаются к нему и вновь уносятся ввысь.

Подле него всегда Варда, Владычица Звезд, ей ведомы все пределы Эа. Столь велика ее красота, что не поведать о ней словами ни эльфам, ни людям; ибо в лице ее и ныне сияет свет Илуватара. В свете – ее могущество и радость. Из глубин Эа явилась она на помощь Манвэ: ибо Мелькора знала еще до сотворения Музыки и отвергла его, он же возненавидел ее и боялся более всех прочих созданий Эру. Манвэ и Варда пребывают в Валиноре и редко расстаются. Чертоги их над линией вечных снегов, на Ойолоссэ, крайней башне Таникветили, самой высокой из всех земных гор. Когда Манвэ восседает на троне и вглядывается оттуда вдаль, если рядом с ним Варда, он прозревает дальше, чем доступно то взорам иных, – сквозь туман и тьму, и морские пространства. А Варда, если с нею Манвэ, лучше, чем то доступно слуху иных, слы-

шит звук голосов, что разносятся от востока до запада, от холмов и долин, и из угодий тьмы, что создал Мелькор на Земле. Из всех Великих, живущих в этом мире, эльфы более всего чтят и любят Варду. Эльберет именуют они ее, и призывают к ней из сумрака Средиземья, и прославляют ее имя в песнях в час, когда на небе зажигаются звезды.

Ульмо – Владыка Вод. Он – один. Нигде не живет он подолгу, но странствует повсюду, где пожелает, в глубинах вод, что на поверхности Земли либо под Землей. В могуществе он уступает лишь Манвэ, и до того, как отстроили Валинор, был ему ближайшим другом, но после Ульмо стал редким гостем на советах Валар, разве что речь шла о делах великой значимости. Ибо в мыслях держал он всю Арду, а в месте для отдыха он не нуждается. Более того, ступать по твердой земле он не любит и редко облекается в телесную форму по примеру своих собратьев. Если случалось узреть его Детям Эру, их охватывал неодолимый страх, – ибо ужасно явление Короля Моря, подобно вздымающейся волне, что надвигается на землю, увенчанная темным шлемом с пенным гребнем, одетая в броню, мерцающую серебром и темно-зеленым. Громок звук труб Манвэ, но голос Ульмо глубок, словно океанские глубины, которых никто, кроме него, не видел.

Однако же Ульмо любит и эльфов, и людей, и никогда не оставлял их своим благоволением, – даже когда гнев Валар обращался против них. Порой выходит он, незримый, на берега Средиземья, или еще дальше, в глубь материка, вверх по узким морским заливам, и там трубит в рога, гигантские Улумури, что сработаны из белых морских раковин. Если кому доведется услышать ту музыку, вечно звучит она потом в их сердцах, и не оставляет их более тоска по морю. Однако чаще всего говорит Ульмо с обитателями Средиземья голосами, что слышны только в музыке вод. Ибо все моря, озера, реки, фонтаны и родники – в его власти; поэтому эльфы говорят, что дух Ульмо струится во всех водных жилах мира. Так даже в пучине узнает он обо всем, обо всех нуждах и горестях Арды, что иначе остались бы скрыты от Манвэ.

Аулэ лишь немногим уступает Ульмо в могуществе. Его владения – это все те вещества, из которых создана Арда. В самом начале немало всего сработал он вместе с Манвэ и Ульмо; это он придал очертания всем землям. Он сведущ во всех ремеслах, в том числе и кузнечном, и радуется каждой искусно сделанной вещице, пусть и малой, не менее, чем великому созиданию прошлого. Ему принадлежат драгоценные камни, что лежат глубоко под землей, и золото, что сверкает в руке, и цепи гор, и морские бассейны. Большую часть знаний нолдор получили от Аулэ, и он всегда оставался их другом. Мелькор же воспылал к нему ревностью, ибо Аулэ более других был схож с ним и в помыслах, и в могуществе. Долго шла между ними борьба, в каковой Мелькор или сокрушал, или портил плоды трудов Аулэ, и утомился Аулэ укрощать хаос и восстанавливать разрушения, причиненные Мелькором. Оба они, однако, жаждали дать бытие собственным творениям – новым и неожиданным, что не приходило на ум их собратьям, и обоим отрадно было услышать похвалу своему искусству. Но Аулэ остался верным Эру, и все, что делал, отдавал на его суд, и не завидовал трудам остальных, но сам охотно делился советом и искал совета других. А Мелькору иссушали душу зависть и ненависть, пока, наконец, не настал миг, когда ничего уже не мог он создать, кроме как в насмешку над замыслами других, а мог лишь уничтожать творения собратьев.

Супруга Аулэ – Йаванна, Дарительница Плодов. Ей дорого все, что растет в земле, и все неисчислимые формы растений хранит она в памяти, от деревьев, вздымавшихся башнями в лесах давно минувших времен, до мхов на камнях и того, что таится в почве, не видное глазу. Среди Королев Валар после Варды более всех почитают Йаванну. В образе женщины предстает она высокой, в зеленых одеждах; но порою принимает и другие облики. Есть такие, кто, говоря о ней, утверждает, будто видел дерево под небесным сводом, коронованное Солнцем, с ветвей его на бесплодную землю струилась сверкающая золотом роса, и земля покрывалась зеленой порослью пшеницы; корни же дерева уходили в воды Ульмо, и ветра Манвэ шептались в его листве. Кементари, Королева Земли, прозывается она на языке эльдарин.

Фэантури, повелители духов – братья, и чаще всего называют их Мандос и Лориэн. Но на самом деле это – названия тех мест, где обитают они, а настоящие их имена – Намо и Ирмо.

Намо, старший, живет в Мандосе, что на Западе Валинора. Он – хранитель Домов Умерших, он созывает души убитых. Он ничего не забывает и знает все, что произойдет, кроме того разве, что подвластно одному Илуватару. Он – Судия Валар, но объявляет он свой приговор и возглашает судьбу только по повелению Манвэ. Вайрэ, Ткачиха, – его супруга: все, что когда-либо случалось во Времени, вплетает она в свои тканые гобелены. Чертоги Мандоса, что с ходом веков делаются все шире и просторнее, завешаны ими.

Ирмо, младший, – повелитель снов и видений. В земле Валар в Лориэне его сады, и места краше нет в целом мире, а населяет их множество духов. Нежная Эстэ, целительница ран и душевной усталости, жена ему. Одежды ее серые, а дар ее – покой. Днем она не выходит, но почиет на острове озера Лореллин, в тени деревьев. Все, живущие в Валиноре, черпают в источниках Ирмо и Эстэ новые силы; нередко и сами Валар приходят в Лориэн и находят там покой и отдохновение от забот Арды.

Эстэ превосходит в могуществе Ниэнна, сестра Фэантури; она живет в одиночестве. Ей ведомо страдание, она оплакивает раны, все до единой, что нанес Арде Мелькор. Столь глубоко было ее горе в то время, как звучала Музыка, что песнь ее превратилась в плач задолго до завершения, и мелодия скорби вплелась в темы Мира еще до того, как возник Мир. Но не о себе она скорбит, и те, кто внимают ей, учатся жалости, стойкости и надежде. Ее чертоги – на крайнем западе Западных земель, у самых границ мира, и редко приходит она в город Валимар, где все счастливы и довольны. Частый гость она в чертогах Мандоса, что близ ее собственных; и все те, что ожидают в Мандосе, вызывают к ней, ибо слова ее укрепляют дух и превращают скорбь в мудрость. Окна ее обители выходят за пределы стен мира.

В силе и доблести первый из всех – Тулкас, иначе называемый Асталдо, Отважный. Он пришел в Арду последним, чтобы помочь Валар в первых битвах с Мелькором. Он любит борьбу и состязания в силе; верхом он не ездит, ибо в беге его не обгонит никто и ничто, и не ведает он усталости. Румяны его щеки, а кудри и борода сияют золотом; оружие ему – его руки. Ему мало дела до прошлого и до будущего, и, как от советчика, помощи от него немного; но друг он надежный. Его жена – Несса, сестра Оромэ, и она тоже быстра и легконога. Любит она оленей, и они следуют за нею повсюду, куда бы ни спешила она в лесной чаще, но и их обгоняет Несса, стремительная, как стрела, – и волосы ее струятся по ветру. В плясках ее отрада, и кружится она в танце на неувядающей траве вечнозеленых полей Валимара.

Могущественный властелин Оромэ. Если в силе он и уступает Тулкасу, то в гневе он ужаснее; Тулкас же всегда смеется, на турнирах ли, в войнах ли, смеялся и в лицо Мелькору в битвах еще до рождения эльфов. Оромэ полюбили просторы Средиземья; с неохотой оставил он их и последним пришел в Валинор. Часто в былые времена уходил он на восток, через горы, и возвращался со своим воинством к холмам и равнинам. Он охотится на чудовищ и злобных тварей, любит скакунов и псов, и все деревья ему милы, почему и называют его Алдарон, а на языке синдар – Таурон, Владыка Лесов. Коня его зовут Нахар, снежно-белый он в лучах солнца, а ночью сверкает серебром. Могучий рог Оромэ прозывается Валарома, звук его подобен Солнцу, встающему над землей в алом зареве, или молнии, пронзающей тучи. Громче всех рогов его воинства звучит он в лесах Валинора, выращенных Йаванной: там учит Оромэ свою свиту и своих зверей преследовать злобных тварей Мелькора. Жена Оромэ – Вана, Вечно Юная, младшая сестра Йаванны. Когда ступает она по земле, повсюду вырастают цветы и раскрывают лепестки под ее взглядом; и все птицы встречают ее приход песней.

Таковы имена Валар и Валиэр, здесь же вкратце описан их облик, – так, как предстали они перед эльдар в Амане. Но какими бы прекрасными и благородными ни были те облики, какие принимали они перед Детьми Илуватара, это – не более чем вуаль, скрывающая их истинную мощь и красоту. И если мало сказано здесь из того, что было некогда ведомо эльдар, это и вовсе ничто в сравнении с истинной сущностью Валар, что уходит корнями в глубь времен и пространств, какие не в состоянии охватить наша мысль. Девять среди Валар наделены были наибольшей властью и внушали особое почтение; но один изгнан из их числа, и остается Восемь – Аратар, Высшие в Арде: Манвэ и Варда, Ульмо, Йаванна и Аулэ, Мандос, Ниэнна и Оромэ. И хотя Манвэ – Король их, и ему приносят они клятву верности после Эру, в величии они равны и далеко превосходят всех прочих, и Валар, и Майар, и любых существ иного чина, что послал Илуватар в Эа.

О Майар

Вместе с Валар пришли и другие духи, чье бытие берет начало задолго до сотворения Мира; существа того же чина, что и Валар, но уступающие им в могуществе. Это – Майар, подданные Валар, их слуги и помощники. Число их эльфам неведомо, и мало кому из них даны имена на языках Детей Илуватара, ибо в Средиземье редко принимали они облик, видимый эльфам и людям, хотя в Амане все иначе.

Первые из Майар Валинора, чьи имена сохранились в истории Древних Дней, это Ильмарэ, прислужница Варды, и Эонвэ, знаменосец и глашатай Манвэ; никто в Арде не устоит перед мощью его оружия. Однако лучше всего известны Детям Илуватара Оссэ и Уинен.

Оссэ – вассал Ульмо, он – хозяин морей, что омывают берега Средиземья. Он не спускается в подводные глубины, предпочитая побережья и острова, более же всего любит он ветра Манвэ, ибо в бурях – его отрада, и с ревом волн сливается его хохот. Жена его – Уинен, Владычица Морей, ее волосы пронизывают все воды под небесным сводом. Ей дороги все создания, что обитают в соленых потоках, и все водоросли, что растут на дне. Это к ней вызывают моряки, ибо она может успокаивать волны, сдерживая буйство Оссэ. Нуменорцы долго жили под ее покровительством и почитали не меньше, чем Валар.

Мелькор же ненавидел Море, ибо не мог подчинить его. Говорится, что, пока создавалась Арда, он попытался привлечь Оссэ на свою сторону, обещая ему все владения Ульмо и его власть как плату за верную службу. И так случилось, что давным-давно поднялся на море великий шторм, и немалые разрушения причинил земле. Но Уинен, по просьбе Аулэ, образумила Оссэ и привела его к Ульмо, и Оссэ был прощен, и вновь присягнул Ульмо на верность, и остается верен клятве и по сию пору. Верен в главном; но его неистовый нрав порою дает о себе знать, и временами Оссе бушует на море в своем своеволии, отнюдь не по слову Ульмо, своего повелителя. Поэтому те, кто живет у моря либо плавает на кораблях, хотя и любят его по своему, но никогда ему не доверяют.

Мелиан – имя той Майа, что служила и Ване, и Эстэ; она долго жила в Лориэне, ухаживая за деревьями, что цветут в садах Ирмо, а потом пришла в Средиземье. Куда бы она не направила шаг, соловьи пели вокруг нее.

Среди Майар мудрее всех Олорин. Он тоже жил в Лориэне, хотя пути его часто уводили в чертоги Ниэнны. Это от нее научился он состраданию и терпению.

О Мелиан многое говорится в «Квента Сильмариллион». Но про Олорина там нет ни слова, ибо, хотя и любил он эльфов, незримо странствовал он среди них, или в облики одного из них, и не догадывались эльфы, откуда приходят к ним чудные видения или мудрые советы, что вкладывал Олорин в их сердца. Позже, в иные времена, он стал другом всех Детей Илуватара, и сострадал их горестям; те же, что внимали ему, пробуждались от отчаяния, и отступали от них образы тьмы.

О Врагах

Последним названо имя Мелькора, Восстающего в Мощи. Но он утратил право на это имя, и нолдор, те из эльфов, что более прочих пострадали от его злобы, этого имени не произносят, но называют его Моргот, Темный Враг Мира. Великое могущество дано было ему Илуватаром, и бытие он обрел в одно время с Манвэ. Ему же дана была доля в способностях и знании всех прочих Валар, но на злые цели направил он эти дары и растратил свою силу, разрушая и притесняя. Ибо он жаждал Арды и всего, что на ней было, мечтая о королевской власти Манвэ и о владениях своих собратьев.

Так от величия через высокомерие он пришел к презрению ко всему, кроме себя самого: дух разрушающий и безжалостный. Мудрость подменил он коварством, искажая и подчиняя своей воле все, чем желал воспользоваться, став в итоге бесчестным лжецом. Вначале он жаждал Света, но, когда не сумел завладеть им для себя одного, он, через пламя и гнев, спустился в огненную бездну, во Тьму. Именно тьму использовал он всего более в своих злобных деяниях в Арде, и сделал ее прибежищем страха для всех живых существ.

Однако же так велика была мощь Мелькора по его пришествии, что на протяжении веков давно забытых он вел войну с Манвэ и прочими Валар и долгие годы владел в Арде большей частью земель. Но он был не один. Многие Майар, привлеченные великолепием Мелькора в дни его величия, остались верны ему и во тьме; других он заставил служить себе с помощью лжи и предательских даров. В числе этих духов страшны были Валараукар, огненные бичи, кого в Средиземье называли балроги, демоны ужаса.

Из тех же его слуг, кому даны имена, самым могущественным был дух, которого эльдар называли Саурон или Гортаур Безжалостный. В начале своего бытия он принадлежал к Майар Аулэ и глубоко постиг мудрость этого народа. Во всех деяниях Мелькора Моргота в Арде, в его необъятных трудах и лживых хитросплетениях принимал участие и Саурон, и разве только в том уступал в порочности своему господину, что долгое время служил он другому, а не самому себе. Но позже он воспрял словно тень Моргота, призраком его злобы, и последовал за ним по тому же погибельному пути, что ведет в Пустоту.

НА ТОМ ОКАНЧИВАЕТСЯ «БАЛАКВЕНТА»

Квента Сильмариллион

История Сильмарилей

Глава 1

О начале дней

Говорится среди мудрых, что Первая Война началась еще до того, как Арда обрела законченную форму; прежде, чем появилось что-либо, что растет либо ступает по земле; и долгое время побеждал Мелькор. Но в разгар войны дух великой мощи и силы явился на помощь Валар, услышав с небесных высот, что идет битва в Малом Королевстве; и в Арде зазвучал его смех. Так пришел Тулкас Могучий, чей гнев сметает все, точно порыв ветра, разгоняя облака и тьму; и Мелькор бежал перед его гневом и его смехом, и покинул Арду, и на многие годы воцарился мир. А Тулкас остался и стал одним из Валар Королевства Арды; Мелькор же вынашивал свои замыслы во внешней тьме, и возненавидел Тулкаса отныне и навеки.

В ту пору Валар упорядочили моря, и земли, и горы; и Йаванна наконец бросила в землю семена, что задумала давным-давно. И теперь, когда огонь был укрощен или погребен в недрах первозданных холмов, понадобился свет, и Аулэ, по просьбе Йаванны, сработал два великих светоча, дабы осветить Средиземье, воздвигнутое им посреди окружных морей. Тогда Варда наполнила светочи, и Манвэ освятил их, и установили их Валар на высоких столпах, более величественных, чем все горы последующих дней. Один Светоч возвели они на севере Средиземья, и имя ему было Иллуин; другой же поставлен был на юге и назван Ормал; и свет их струился над Землей, озаряя ее от края до края; и был вечный день.

Тогда же семена, брошенные Йаванной, проросли и дали всходы, и проявилось неисчислимое множество разнообразных растений, великих и малых: мхи и травы, и гигантские папоротники, и деревья, вершины которых венчали тучи, как если бы то были живые горы, а подножия укрывал зеленый сумрак. И пришли звери, и поселились на травянистых равнинах, и в реках и озерах, и под сенью лесов. До поры не распустился еще ни один цветок, не запела ни одна птица – эти творения пока ждали своего часа в лоне Йаванны; но изобильны были ее помыслы, более же всего – в срединных областях Земли, где встречался, сливаясь воедино, свет обоих Светочей. Там, на острове Алмарен, что на Великом Озере, основали Валар первую свою обитель, когда мир был юн, и первозданная зелень казалась чудом в глазах ее творцов; и долгое время царила меж них радость.

Случилось же так, что, пока Валар отдыхали от трудов своих и следили, как пробуждается к жизни и расцветает задуманное и начатое ими, созвал Манвэ великий пир, и пришли на его зов Валар и все их воинства. Но утомлены были Аулэ и Тулкас, ибо мастерство Аулэ и сила Тулкаса долгое время непрестанно служили на благо всем в дни трудов и забот. Мелькор же знал обо всем, что делалось в Арде, ибо даже тогда были у него тайные друзья и соглядатаи меж Майар, которых привлек он на свою сторону; и вдали, во мраке, обуревали его ненависть и зависть к творениям собратьев своих, каковых желал он видеть своими подданными. Засим призвал он к себе из чертогов Эа духов, коих обманом склонил к себе на службу, и уверился в своей силе. Видя же, что настал удобный миг, снова приблизился он к Арде и окинул ее сверху взглядом, и красота Земли в пору Весны преисполнила его еще большей ненависти.

Валар же собрались на острове Алмарен, не опасаясь никакого зла; и в свете Иллуина не заметили они, как на север надвинулась тень, что издалека отбрасывал Мелькор; ибо стал он со временем темен, как Вечная Ночь. И поется в песнях, что на этом пиру, в пору Весны

Арды, Тулкас взял в жены Нессу, сестру Оромэ, и она танцевала перед Валар на зеленой траве Алмарена.

И Тулкас уснул, утомленный и счастливый, и решил Мелькор, что пробил его час. Перебрался он через Стены Ночи со своим воинством, и пришел в Средиземье, на крайний север, и Валар не узнали о том.

Тогда начал Мелькор рыть землю и возводить обширную крепость в подземных глубинах, в темных недрах гор, где даже лучи Иллуина были холодны и тусклы. Цитадель эта получила имя Утумно. И хотя не ведали ничего о ней до поры Валар, однако ж злоба и губительная ненависть Мелькора изливались оттуда, и увядала Весна Арды. Зелени жухли и гнили, реки запрудили тина и ил, и возникли болота, ядовитые и зловонные, где в изобилии плодился гнус; леса сделались темны и опасны, и стали они прибежищем страха; и звери превратились в чудовищ, вооруженных рогами и клыками, и обагрили земли кровью. Тогда только поняли Валар, что Мелькор снова принялся за свое, и стали искать его убежище. Мелькор же, полагаясь на неприступность стен Утумно и мощь своих слуг, внезапно выступил в поход и нанес первый удар до того, как Валар были к тому готовы: яростно атаковал он источники света Иллуин и Ормал, сокрушил их столпы и разбил Светочи. Рухнули гигантские колонны, и раскололась земная твердь, и моря вышли из берегов; разбились Светочи, и всепожирающее пламя выплеснулось из них на землю. В ту пору нарушены были очертания Арды, и симметрия ее вод и земель, так что первоначальным замыслам Валар не суждено было возродиться.

Во тьме, среди всеобщего смятения, Мелькор ускользнул, но овладел им великий страх, ибо громче рева волн звучал в его ушах голос Манвэ, подобный могучему урагану, и земля дрожала под поступью Тулкаса. Но добрался Мелькор до Утумно прежде, чем настиг его Тулкас, и укрылся там. Не могли в то время Валар совладать с ним, ибо большая часть их силы понадобилась на то, чтобы укротить земные бури и спасти от разрушения все то из трудов своих, что еще можно было спасти; а после не смели Валар вновь крушить Землю, не зная пока, в каких местах поселились Дети Илуватара; им же еще предстояло прийти в мир, и час их прихода сокрыт был от Валар.

Так закончилась Весна Арды. Обитель Валар на острове Алмарен была уничтожена до основания, и не было им пристанища на Земле. И покинули они Средиземье, и пришли в Земли Амана, на крайний запад всех земель, у самых границ мира; ибо западные берега Амана омывает Внешнее море, что эльфы называют Эккайя; оно окружает Королевство Арды. Как широко это море, ведомо только Валар, а за ним высятся Стены Ночи. Восточные же берега Амана там, где самый край Белегаэра, Великого Западного моря. Поскольку же Мелькор вернулся в Средиземье и совладать с ним Валар до поры не могли, они укрепили свою обитель: у берегов моря они воздвигли Пелори, горы Амана, выше их нет гор на Земле. А над горами Пелори вознеслась та скала, на вершине которой Манвэ воздвиг свой трон. Таникветиль зовут эльфы ту священную гору, и еще Ойолоссэ, Вечная Белизна, и Элerrина, Коронованная Звездами; много у нее и других имен; синдар же на своем языке более поздних времен называли эту гору Амон Уилос. Из чертогов своих, что на скале Таникветиль, Манвэ и Варда могут обозревать всю землю — до самых отдаленных восточных пределов.

Внутри же стен Пелори Валар создали свое королевство, в том краю, что зовется Валинор; там поднялись их обители, их сады и башни. В той защищенной земле сохранили Валар в изобилии света, и все самое прекрасное, что спасли они от разрушения, и создали заново многие творения еще более дивные, и Валинор стал еще краше, чем даже Средиземье в пору Весны Арды; и благословен был тот край, ибо там царило Бессмертие, и ничто не увядало и не

меркло; не было изъяна ни в цветах, ни в листьях той земли; ни порок, ни болезнь не имели власти над живущим, ибо самые камни и воды были священны.

Когда же Валинор обрел законченность, и возведены были дворцы Валар в самом центре равнины, за горами, выстроили Валар свой город, многозвонный Валмар. Перед западными его воротами высился зеленый холм, Эзеллохар или иначе Короллайрэ; и Йаванна освятила его: там, опустившись на зеленую траву, пела она долгую песнь пробуждения, вкладывая в нее все свои помыслы о том, что растет на земле. Ниэнна же безмолвно предавалась раздумьям и орошала холм слезами. В ту пору собрались Валар вместе послушать песнь Йаванны; храня молчание, восседали они на своих тронах совета в Маханаксаре, Круге Судьбы, у золотых врат Валмара; и Йаванна Кементари пела перед ними, они же внимали.

И, пока внимали они, на холме проклюнулись два нежных ростка; и тишина воцарилась над миром в тот час; смолкли все звуки, только песнь Йаванны торжественно лилась над землей. И, под звуки песни побеги потянулись ввысь, стали высоки и прекрасны, и распустились на их ветвях цветы; так в мире пробудились к жизни Два Древа Валинора. Из всего, созданного Йаванной, наиболее прославлены они, и с их судьбою связаны все предания Древних Дней.

Темно-зеленые листья одного из деревьев с нижней стороны сверкали серебром, и из каждого из бесчисленных цветов непрестанно спадала роса, напоенная серебряным светом, а на земле под ветвями играли блики и тени трепещущих листьев. У второго же листья были нежно-зеленые, точно у бука по весне; края их искрились золотом. Цветы качались на ветвях гроздьями желтого пламени, каждый – в форме сияющего кубка, из коего струился на землю золотой дождь, и от цветов этого древа разливались тепло и ясный свет. Тельперион было имя первому из деревьев в Валиноре, и Сильпион, и еще Нинквелотэ, и не счесть других имен; второе же древо звалось Лаурелин, и Малиналда, и Кулуриэн, и много других названий дано ему было в песнях.

За семь часов сияние каждого из деревьев разгоралось всего ярче и вновь, угасая, сходило на нет; и каждое вновь пробуждалось к жизни за час до того, как угаснуть другому. Так дважды в день наступал в Валиноре час мягких сумерек, когда оба древа проливали неясный, рассеянный свет, и сливались их золотые и серебряные лучи. Первым пробудился к жизни Тельперион; первым вырос он, первым расцвел; и тот час, когда впервые засиял он светлым отблеском серебряного рассвета, Валар не включают в счет времени, но называют Часом Расцвета и от него исчисляют века своего правления в Валиноре. И так на шестой час Первого Дня, и всех последующих радостных дней до того самого часа, когда на Валинор пала тьма, Тельперион отцветал; на двенадцатый же час отцветала Лаурелин. Так каждый день Валар в Аманы состоял из двенадцати часов и завершался вторым слиянием света, когда Лаурелин угасала, а Тельперион расцветал. Но тот свет, что изливался с деревьев, долго сиял над землею, пока не растворялся в воздухе, либо впитывался в землю; Варда же собирала росу Тельпериона и дождь Лаурелин в огромные чаши, подобные сверкающим озерам; и по всей земле Валар служили они колодцами воды и света. Так начались Благословенные Дни Валинора; и так начался Отсчет Времени.

Но проходили века, и приближался час, назначенный Илуватаром для прихода Перво-рожденных. Средиземье укрыли сумерки, осиянные звездами, что зажгла Варда, трудясь в Эа

во времена давно позабытые. Во тьме же обитал Мелькор, и по-прежнему часто странствовал по миру, принимая различные обличья, грозные и величественные; и обладал он властью над холодом и огнем от вершин гор до раскаленных недр их; и где бы ни творились в те дни жестокость или насилие, за всем незримо стоял Мелькор.

Редко покидали Валар прекрасный, благословенный Валинор и уходили за горы, в Средиземье; все заботы их и любовь отданы были земле за горной цепью Пелори. А в центре Благословенного Края высились дворцы Аулэ; там трудился он денно и нощно. Ибо в создании всего, что есть в той земле, отведена ему была главная роль; и сотворил он много всего дивного и прекрасного как открыто, так и втайне. Это от него идут предания и знание о Земле и обо всем, что существует на ней; будь то знание тех, что не творят сами, но ищут постичь суть сущего, или знание мастеров-ремесленников: ткача и резчика по дереву, и работника по металлу; также и пахаря, и землепашца, хотя эти двое, как все, имеющие дело с тем, что растет и плодоносит, ищут также помощи и супруги Аулэ, Йаванны Кементари. Аулэ называют Другом Нолдор, ибо от него многое переняли те в последующие дни, и превосходят в искусстве всех прочих эльфов; и уже по-своему, сообразно тем дарам, коими наделил их Илуватар, немало всего добавили нолдор к тому, чему учил их Аулэ. Отрадно было им постигать языки и письмена, овладевать цветным шитьем, и рисунком, и резьбою. Это нолдор первыми начали создавать драгоценные камни, а прекраснейшими из всех драгоценностей земли стали Сильмарили, только утрачены они навсегда.

Манвэ же, Сулимо, высший и более всех почитаемый среди Валар, восседал у границ Амана, и мысли его обращались и к Внешним землям. Величественный трон его был воздвигнут на скале Таникветиль, высочайшей из всех земных гор, что у самого края моря. Духи в обличии соколов и орлов слетали в чертоги его и вновь покидали их; их взоры прозревали пучины морские и проникали в потаенные пещеры в недрах мира. И приносили они Манвэ вести почитай что обо всем, что случалось в Арде; и все же было такое, что оставалось сокрытым даже от Манвэ и слуг его, ибо там, где царил Мелькор, погруженный в черные мысли, лежала непроглядная тень.

Манвэ не задумывается о собственной славе, не ревнив к своей власти, но правит во имя всеобщего мира. Из эльфов более всех любит он ваньяр; от него получили ваньяр песни и искусство стиха, ибо в поэзии его отрада, а гармония слов звучит для него музыкой. Одеяния Манвэ синего цвета, и во взгляде горит синий огонь; скипетр же его, сработанный нолдор, сделан из сапфира. Манвэ поставлен над землей наместником Илуватара, Королем мира Валар, эльфов и людей, и главным оплотом противу злобы Мелькора. Рядом с Манвэ всегда Варда, прекраснейшая – та, кому на языке синдарин имя Эльберет, Королева Валар, создательница звезд; и с ними – бесчисленная рать благостных духов.

Улмо же жил один, и поселился он не в Валиноре; и даже не появлялся там, разве что возникала нужда созвать великий совет; от начала сотворения Арды обитал он во Внешнем океане; пребывает там и по сей день. Оттуда повелевает он движением всех земных вод, приливами и отливами, течением рек и пополнением родников; и дождями, и росами во всякой земле под небесным сводом. В глубинах задумывает он музыку великую и могучую; и эхо той музыки струится во всех водных жилах мира, звуча и радостно, и печально. Ибо хоть и радостен вид фонтана, взметнувшего вверх сверкающие под солнцем струи, но источник его – родники неизмеримой скорби в самых недрах земли. Многому научились от Улмо телери, и потому музыка их столь грустна и полна неизъяснимого очарования. Вместе с Улмо в Арду пришел Салмар; он сработал рога для Улмо; тот же, кто однажды услышал их музыку, никогда уже не забудет ее. Пришли с ним и Оссэ, и Уинен, которым доверил Улмо управлять волнами и движением Внутренних Морей, и немало других духов. Так, благодаря власти Улмо, даже под покровом тьмы Мелькора, по многим тайным жилам струилась жизнь, и не умирала Земля. Всем тем, кто заблудился во мраке или забрел слишком далеко, куда не достигает свет Валар,

готов был внять Улмо; никогда не оставлял он Средиземье своими заботами; и что бы с тех пор ни случилось, новые разрушения ли, перемены ли, помнит он обо всех нуждах и будет помнить всегда, до конца дней.

В те темные времена и Йаванна не вовсе оставляла заботою Внешние земли, ибо ей дорого все, что растет; и оплакивала она труды свои, начатые ею в Средиземье и искаженные Мелькором. Потому порою покидала она обитель Аулэ и цветущие луга Валинора и приходила залечивать раны, нанесенные Мелькором земле; а, возвращаясь, все убеждала Валар выступить с войной против владычества зла, каковую непременно следовало начать до прихода Перворожденных. И Оромэ, хозяин зверей, тоже выезжал порою во тьму бессветных лесов; могучим охотником представлял он, вооруженный копьем и луком, и преследовал и убивал чудовищ и злобных тварей королевства Мелькора, и белый конь его Нахар сиял серебром во мраке. Тогда дрожала уснувшая земля под топотом золотых копыт, и в сумерках мира трубил Оромэ на равнинах Арды в свой гигантский рог, что зовется Валарома, и в горах отвечало ему эхо, и тени зла бежали прочь, и сам Мелькор содрогался в Утумно, предчувствуя великий гнев Валар. Но, как только проезжал Оромэ, слуги Мелькора возвращались вновь, и ступали над землей тени злобы и лжи.

Этим все сказано о Земле и ее управителях в самом начале дней, до того, как мир стал таким, каким знают его Дети Илуватара. Ибо Дети Илуватара – это эльфы и люди; и поскольку не постигли до конца Айну́р ту, третью тему, посредством которой Дети стали частью Музыки, никто из Айну́р не дерзнул добавить что-либо к их сути и от себя. И потому Валар для людей и эльфов – скорее старшие и вожди, нежели повелители; и если когда-либо, сообщаясь с Детями Илуватара, Айну́р и пытались принудить их силой там, где не желали Дети внимать наставлениям, редко оборачивалось это к добру, сколь бы благим ни было намерение. Однако же большей частью Айну́р общались лишь с эльфами, ибо Илуватар создал Перворожденных во многом подобными Айну́р по природе своей, хотя и уступающими им могуществом и статью; людям же дал он необычные дары.

Ибо говорится, что после ухода Валар наступило безмолвие, и целый век Илуватар пребывал в одиночестве, погруженный в мысли. Затем заговорил он и молвил: «Воистину люблю я Землю, что станет домом для квенди и атани! Квенди же будут прекраснее всех земных созданий, и обретут они, и задумают сами, и создадут больше красоты, нежели все мои Дети; и суждено им земное блаженство превыше прочих. Но для атани есть у меня иной дар». И пожелал он так: устремятся искания людей за грань мира, в мире же не будет людям покоя; и смогут они сами направлять свой жизненный путь среди стихий и случайностей мироздания; и нет им предела в Музыке Айну́р, которая что предначертанный рок для всего прочего; и через поступки их все обретет свое завершение, в очертаниях и деяниях, и исполнится судьба мира вплоть до последней мелочи.

Но знал Илуватар, что люди, оказавшись в круговерти мятущихся сил мироздания, часто будут сбиваться с истинного пути, и дары их повлекут за собою разлад, и сказал он: «И они тоже в свое время поймут: все, что содеют они, в итоге послужит лишь к вящей славе творения моего». Эльфы же, однако, полагают, что люди часто печалят Манвэ, коему ведома бо́льшая часть помыслов Илуватара; и мнится эльфам, будто люди более всего схожи с Мелькором из всех прочих Айну́р, хотя Мелькор всегда и боялся, и ненавидел людей, даже тех, кто служил ему.

Дар же свободы в том еще, что краток срок земного бытия людей, и не заключена их судьба в пределах мира; скоро покидают они Землю и уходят, а куда – эльфам неведомо. Эльфы

же остаются в мире до окончания дней; потому так безраздельна и мучительно-властна любовь их к Земле и всему миру, а с ходом лет все большая тоска примешивается к ней. Ибо эльфы не умрут, пока жив мир, разве что будут убиты либо иссушит их горе (этим двум мнимым смертям подвластны они); равно как и не убывает с годами их сила, вот разве что ведома им усталость десяти тысяч веков; умерших же призывают в чертоги Мандоса в Валиноре, откуда со временем они могут и возвратиться. Сыны же людей знают истинную смерть и покидают мир; потому и зовут их Гостями или Пришлецами. Смерть их удел, таков дар Илуватара, которому с течением времени позавидуют даже Власти Земли, Валар. Но тень Мелькора пала и на этот дар, и омрачила его тьмой, и зло возникло из добра, а страх из надежды. Однако в глубокой древности Валар поведали эльфам в Валиноре, что люди сольют свои голоса с хором Айнури во Второй Музыке; но не открыл Илуватар, что назначил он эльфам после конца Мира, и Мелькор не узнал о том.

Глава 2

Об Аулэ и Йаванне

Говорится, что изначально гномов создал Аулэ во тьме Средиземья, ибо так страстно желал Аулэ прихода Детей, мечтая обрести учеников, которых мог бы он наставлять своим ремеслам и знанию своему, что не склонен он был дожидаться исполнения замыслов Илуватара. И сотворил Аулэ гномов такими, какими пребывают они и по сей день; ибо облик Детей, коим предстояло прийти, оставался для Аулэ неясен, а власть Мелькора все еще простиралась над Землей, – и потому Аулэ пожелал видеть народ свой сильным и нестигаемым. Опасаясь осуждения прочих Валар, творил он в тайне; и сперва создал он Семь Праотцев гномов в подземном чертоге, в недрах гор Средиземья.

Илуватар же ведал о том, и в тот самый час, как Аулэ завершил свой труд, и остался им доволен, и принялся учить гномов языку, что сам для них и придумал, обратился к нему Илуватар, и услышал Аулэ его голос, и умолк. Илуватар же рек ему: «Для чего содеял ты это? Для чего пытаешься свершить то, что, как сам знаешь, не в твоей власти и не по силам тебе? Ибо от меня получил ты в дар лишь собственное свое бытие, не более; и потому создания рук твоих и мыслей могут жить лишь твоим бытием, двигаясь, когда ты помыслишь их двигать; если же мысли твои обращены на другое, стоять им на месте. Того ли желал ты?»

И отвечал Аулэ: «Не о таком владычестве мечтал я. Мечтал я о созданиях, отличных от меня, чтобы любить их и наставлять; дабы и они постигли красоту Эа, каковую вызвал ты из небытия. Ибо казалось мне, что велики пространства Арды, многие создания могли бы жить там в радости, но по большей части Арда все еще пуста и безмолвна. И в нетерпении моем поступил я безрассудно. Однако же жажда творения горит в сердце моем потому, что сам я сотворен тобою: ведь и дитя неразумное, что, играя, подражает делам отца своего, поступает так, не мысля насмехаться, но потому, что оно – дитя отца своего. Но что же мне сделать теперь, чтобы не вечно гневался ты на меня? Как дитя отцу, вручаю я тебе эти сущности, творения рук, созданных тобою. Поступай с ними по своему желанию. Или, может статься, лучше уничтожить мне тут же плоды моей самонадеянности?»

И Аулэ поднял огромный молот, чтобы сокрушить гномов, и зарыдал он. Но Илуватар сжалился над Аулэ и желанием его, ибо увидел смирение Аулэ, и гномы в страхе отпрянули от молота, и склонили головы, и взмолились о милосердии. И голос Илуватара молвил Аулэ: «Я принял твой дар, как только предложен он был. Или не видишь ты, что у сущностей этих теперь своя жизнь, и заговорили они собственными голосами? Иначе не уклонились бы они от удара, покорные любому велению твоей воли». И тогда опустил Аулэ молот, и возрадовался, и возблагодарил Илуватара, говоря: «Да благословит Эру мои труды, да улучшит он их!»

Но Илуватар заговорил снова и рек: «Как дал я бытие помыслам Айнура в начале Мира, так и теперь исполнил я твое желание, – и отвел ему место в Мире; но никак иначе не изменю я работу твою; какими ты сотворил гномов, такими им быть. Одного я не допущу: чтобы пришли они в мир прежде задуманных мною Перворожденных, вознаграждая тем самым твое нетерпение. Теперь же уснут они во мраке под скалою и не выйдут на свет, пока на Земле не пробудятся Перворожденные; до того времени будут ждать и они, и ты, хоть и долгим покажется срок. Когда же пробьет час, я пробужу их, и станут они тебе, точно дети; и нередко будут раздоры между твоими созданиями и моими, между детьми, мною принятыми и детьми, мною избранными».

Тогда Аулэ призвал Семь Праотцев Гномов, и погрузил их в сон в местах, далеко отстоящих друг от друга; и вернулся в Валинор, и ждал там, пока умножались долгие годы.

Потому же, что гномам предстояло прийти в мир в дни владычества Мелькора, Аулэ создал их сильными и выносливыми. Оттого гномы крепки как камень и нестигаемы, верны

в дружбе и непримиримы во вражде, и переносят голод, раны и изнурительный труд более стойко, чем другие народы, наделенные даром речи; и живут они долго, много дольше людей, однако не вечно. Встарь верили эльфы Средиземья, будто, умирая, гномы возвращаются в землю и камень, из которых и сделаны; сами же гномы полагают иное. Говорят они, будто Аулэ Творец, коего зовут они Махал, заботится о них и сзывает их после смерти в особый чертог Мандоса и что объявил он их Праотцам в давние времена, будто в Конце Илуватар благословит и их и назначит им место среди своих Детей. Тогда станут они служить Аулэ и помогать ему в возрождении Арды после Последней Битвы. Они говорят также, будто Семь Праотцев Гномов возвращаются в мир живых, воплощаясь в своих потомках, и снова принимают свои древние имена; из них же в последующие века превыше прочих прославлен был Дурин, пра-родитель рода, наиболее дружественного к эльфам; а дворцы его были в Кхазад-думе.

Аулэ же, трудясь над созданием гномов, хранил свою работу в тайне от прочих Валар; но наконец открыл он свой замысел Йаванне и поведал обо всем, что произошло. И молвила ему Йаванна: «Воистину милостив Эру. Вижу я, ликует твое сердце, и не странно это; ибо получил ты не только прощение, но и щедрый дар. Однако, поскольку утаил ты сию мысль от меня до самого осуществления ее, не будет в сердцах детей твоих любви к тому, что люблю мне. Более всего полюбят они творения рук своих, так же, как и отец их. Они станут рыть землю, не заботясь о том, что растет и живет на ней. Не одно дерево ощутит, как вгрызается в его ствол их безжалостное железо».

Аулэ же ответил: «Так же будут поступать и Дети Илуватара, ибо они станут добывать пропитание и строить жилища. И хотя творения твои ценны и сами по себе, и таковыми бы почитались, даже когда б не назначено было прийти Детям, все же именно Детям даст Эру власть над всем сущим; и они обратят себе на пользу все, что найдут в Арде: хотя, по замыслу Эру, не без почтения и благодарности».

«Разве что Мелькор затемнит сердца им», – сказала Йаванна. И не утешилась она, но горевала в сердце своем, страшась того, что может произойти в Средиземье в грядущие дни. И отправилась она к Манвэ, и, не выдав замыслов Аулэ, сказала: «Король Арды, правда ли, как поведал мне Аулэ, что Дети, придя на землю, получают в удел все плоды трудов моих, и станут поступать с ними, как на то будет их воля?»

«Правда это, – отвечал Манвэ. – Но зачем вопрос твой, разве нуждаешься ты в наставлениях Аулэ?»

Тогда замолчала Йаванна, погрузившись в свои мысли. И ответила она: «Потому я спросила, что в сердце моем тревога, и помыслы мои обращены к грядущим дням. Все творения мои дороги мне. Или недостаточно того, что Мелькор уничтожил столь много? Неужели всем, что задумала я, распоряжаться будут другие?»

«А если право решать осталось бы за тобою, что сохранила бы ты? – молвил Манвэ. – Что всего дороже тебе во владениях твоих?»

«Все по-своему ценно, – сказала Йаванна. – И все, что есть, умножает ценность прочего. Но *кельвар* могут убежать или защитить себя, растущие же *олвар* не могут. Из них дороги мне деревья. Долго растут они, а падают, срубленные, быстро; и если только не платят они дань плодами ветвей своих, никто о них не пожалеет. Так вижу я в мыслях. Когда бы деревья могли говорить в защиту всех творений, имеющих корни, и карать тех, кто причиняет им зло!»

«Странная то мысль», – молвил Манвэ.

«Однако так было в Песни, – отвечала Йаванна. – Ибо, пока трудился ты в небесах, создавая облака вместе с Ульмо и проливая дожди, я вознесла ввысь навстречу им ветви высоких деревьев; иные же из них, в шуме ветра и дождя, пели песнь во славу Илуватара».

Тогда умолк Манвэ, и дума, что Йаванна вложила ему в сердце, раскрылась и проявилась, и узрел ее Илуватар. И тогда показалось Манвэ, будто Песнь вновь зазвучала вокруг него, и теперь постиг он в ней многое, к чему ранее не склонял своего слуха, хотя и слышал. И, наконец, вновь возникло Видение, но не вдали на сей раз, ибо сам Манвэ был теперь его частью; и еще увидел он, что все покоится в руке Илуватара; и вот вторглась в мир его длань и вызвала к жизни немало дивного, что до того оставалось сокрыто от Манвэ в сердцах Айнур.

И пробудился Манвэ, и сошел к Йаванне на холм Эзеллохар, и сел подле нее под сенью Двух Дерев. И молвил Манвэ: «О Кементари, Эру явил свою волю, говоря: “Или думают Валар, что я не слышал всей Песни, вплоть до последнего отзвука последнего голоса? Узри же! Когда пробудятся Дети, пробудится и замысел Йаванны, и призовет духов из необозримой дали, и станут бродить они меж *кельвар* и *олвар*, и некоторые поселятся в них; прочие же будут почитать этих духов и опасаться их справедливого гнева. Однако не вечно: пока длится время расцвета Перворожденных, пока Второрожденные еще юны”. Но разве не помнишь ты, Кементари, что дума твоя не всегда звучала в Песни сама по себе? Разве не слились воедино твои помыслы и мои, так, что вместе устремились мы в полет, подобно могучим птицам, что взмывают над облаками? И это тоже свершится по воле Илуватара, и прежде, чем пробудятся Дети, воспарят ввысь на крыльях, подобных ураганам, Орлы Владык Запада».

И тогда возрадовалась Йаванна, и встала, и, воздев руки к небесам, молвила: «Высоко вознесут свои ветви дерева Кементари, дабы гнездились в них Орлы Короля».

Но Манвэ тоже поднялся, и показалось, будто так высок он, что голос его доносится к Йаванне с небесных пределов, где пролегли дороги ветров.

«Нет, – молвил он. – Лишь деревья Аулэ окажутся достаточно высоки. В горах станут гнездиться Орлы, и внимать голосам тех, кто взывает к нам. В лесах же станут бродить Пастыри Дерев».

И тогда Манвэ и Йаванна расстались на время, и Йаванна возвратилась к Аулэ; он же был в своей кузне, переливая в форму расплавленный металл. «Щедр Эру, – молвила она. – Теперь пусть остерегутся твои дети! Ибо леса отныне будут охранять силы, чей гнев пробудят они себе на горе».

«Однако же, моим детям понадобится древесина», – сказал Аулэ и вернулся к наковальне.

Глава 3

О приходе эльфов и пленении Мелькора

Много долгих веков Валар жили в блаженстве в свете Дерев за Горами Амана, а Средиземье укрывали звездные сумерки. Пока сияли Светочи, все стало расти, но теперь остановился рост, ибо кругом опять была тьма. Но уже пробудились древнейшие из живых созданий: в морях заколыхались гигантские водоросли, на землю пала тень огромных деревьев; в долинах же среди холмов, одетых в ночь, бродили темные твари, древние и могучие. В эти земли и леса редко приходили Валар; только Йаванна и Оромэ являлись туда; и Йаванна блуждала там во мраке, горюя, что замерло пробуждение жизни и увяла Весна Арды. И многое из того, что возникло в мире в пору Весны, погрузила Йаванна в сон, чтобы не старилось созданное ею, но ожидало назначенного часа пробуждения.

На севере же Мелькор собирал силы; и не смыкал глаз, но следил за происходящим и трудился без устали; и злобные создания, коих подчинил он своей воле, выходили из убежищ, и темные, дремлющие леса наводнили чудовища и жуткие призраки. В Утумно Мелькор собрал вокруг себя своих демонов – тех духов, что первыми примкнули к нему в дни его величия и более прочих уподобились ему в порочности: в сердцах их пылал огонь, но одеты они были во тьму, вооружены огненными бичами, и великий ужас шествовал перед ними. Позже в Средиземье их называли балрогами. В темные те времена Мелькор расплодил много других чудовищ разнообразных обличей и форм, что долго потом беспокоили мир; царство же Мелькора в Средиземье росло и простиралось все дальше на юг.

И еще выстроил Мелькор крепость и арсенал близ северо-западных берегов моря, чтобы противостоять любому нападению из Амана. В этой цитадели командовал Саурон, местоблюститель Мелькора; крепость же названа была Ангбанд.

И случилось так, что Валар созвали совет, ибо тревожили их вести, что приносили Йаванна и Оромэ из Внешних земель; и говорила Йаванна перед Валар, и рекла она: «О вы, могучие владыки Арды, Видение Илуватара явилось вам лишь на краткий миг и вскорости было сокрыто; может статься, не дано нам предугадать назначенный час с точностью до нескольких дней. Но знайте вот что: час близится, еще до завершения этого века исполнятся наши надежды и пробудятся Дети. Так оставим ли мы земли, назначенные им в удел, разоренными, средоточием зла? Должно ли Детям блуждать во тьме, в то время как над нами сияет свет? Должно ли им называть Мелькора владыкой, пока Манвэ восседает на троне Таникветили?»

И Тулкас воскликнул: «Нет! Начнем же войну немедленно! Не слишком ли долго отдыхаем мы от битв; разве не возродилась уже наша сила? Должно ли одному противостоять нам вечно?»

Но по повелению Манвэ заговорил Мандос, и молвил он: «Истинно, этот век назначен для прихода Детей Илуватара, но не пробил еще час. Более того, суждено Перворожденным явиться во тьме, и первое, что узрят они, будут звезды. Яркий свет обернется их угасанием. И к Варде станут звать они в час нужды».

Тогда Варда покинула совет и оглядела землю с вершины Таникветиль, и узрела тьму, объявшую Средиземье, а выше сияли бесчисленные звезды, далекие и неяркие. И начала она великий свой труд – ничего более великого не создавали Валар со дня их прихода в Арду. Взяла

она серебряную росу Тельперииона, собранную в чаши, и из нее сотворила новые звезды, много ярче прежних, в преддверии прихода Перворожденных. Потому-то ее, чье имя в глубинах времени и в пору трудов в Эа было Тинталлэ, Возжигающая, после эльфы называли Элентари, Королева Звезд. Зажгла она Карниль и Луиниль, Ненар и Лумбар, Алкаринквэ и Элеммирэ; и многие звезды из числа древних собрала она воедино и поместила, как знамения, в небесах Арды: это Вильварин, Телумендиль, Соронумэ и Анарримма, и Менельмакар с его сверкающим поясом: он предвещает Последнюю Битву, которая разразится в конце дней. И высоко на севере, как вызов Мелькору, Варда укрепила и подвесила корону из семи лучезарных звезд – созвездие Валакирка, Серп Валар и знак рока.

Говорят, что как только окончила Варда свои труды (а они были долгими); когда Менельмакар впервые взошел на небо и синий огонь Хеллуина замерцал в тумане над границей мира – в этот час пробудились Дети Земли, Перворожденные Илуватара. У осиянного светом звезд озера Куивизнен, Воды Пробуждения, они очнулись ото сна, в который погрузил их Илуватар. И пока, до поры безгласные, жили они близ Куивизнена, первое, что предстало их взорам, были звезды небес. Потому-то с тех пор любили они звездный свет и чтители Варду Элентари превыше всех Валар.

Но мир менялся, и очертанья земель и морей были разрушены и создавались заново; реки изменили русла, и даже горы не остались прежними; и нет возврата к озеру Куивизнен. Но говорят эльфы, что лежало то озеро далеко на северо-востоке Средиземья, и это был залив Внутреннего моря Хелькар, а море это образовалось на том самом месте, где прежде было подножие горы Иллуин, пока Мелькор не сокрушил его. Многие реки стекали туда с хребтов восточных гор, и первое, что слышали эльфы, было журчание воды и переливы ее меж камней.

Долго жили эльфы в своем первом доме у озера в сиянии звезд, и дивились они, ступая по земле; и стали они придумывать свой язык и давать имена всему, что видели. Себя же называли они квенди, что значит «наделенные даром речи», ибо до сей поры не встречали они других живых существ, что умели бы говорить или петь.

Со временем случилось так, что Оромэ отправился на охоту в восточные земли, и свернул к северу у берегов Хелькара, и проехал под сенью Орокарни, Восточных гор. Вдруг Нахар громко заржал и замер на месте. Изумился Оромэ и прислушался, и показалось ему, что слышит он вдалеке поющие голоса в безмолвии подзвездной земли.

Вот так, словно бы по воле случая, отыскиали наконец Валар тех, кого ожидали столь долго. При виде эльфов преисполнился Оромэ великого изумления – как пред созданиями неожиданными, дивными и непредвиденными – ибо так всегда было и будет с Валар. Пусть все сущее и предвосхищено в музыке или явлено издали в видении вне мира – но для тех, кто вступил в Эа, все вновь встреченное покажется новым и непредреченным.

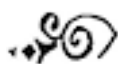
Изначально Старшие Дети Илуватара были исполнены большего величия и мощи, нежели в последующие времена, но прекрасный облик их не померк со временем, ибо хотя красота квенди в дни их юности затмевала все, созданное Илуватаром, она не погибла, но жива на Западе; а пережитые страдания и обретенная мудрость лишь обогатили ее. И Оромэ любил квенди, и нарек их на их же языке – эльдар, народ звезд; однако позже имя это носили только те, кто последовал за ним на запад.

Однако многих квенди явление Оромэ повергло в ужас; и в том вина Мелькора. Ибо после стало ведомо мудрым, что Мелькор, бдительности не терявший, первым узнал о пробуждении квенди и наслал призраков и злобных духов шпионить за ними и подстерегать их. За несколько лет до прихода Оромэ порою случалось так, что если кто из эльфов уходил далеко от озера, один ли, или несколько вместе, исчезали они и никто их более не видел. Тогда говорили квенди, что Охотник схватил их; и овладевал эльфами страх. И воистину, древнейшие песни эльфов, отзвук которых еще помнят на Западе, говорят о призраках тьмы, что рыщут среди холмов близ озера Куивизнен или вдруг на миг затмевают звезды; говорят и о темном

Всаднике на диком коне, что преследует заблудившихся в глуши, чтобы схватить их и пожрать. Мелькор же яростно ненавидел и боялся выездов Оромэ, и либо действительно подсылал слуг своих в облики всадников, либо распускал лживые слухи, чтобы квенди в страхе бежали от Оромэ, если когда-нибудь его встретят.

Вот так и случилось, что, когда заржал Нахар и Оромэ вправду появился среди квенди, некоторые укрылись от него, а иные бежали прочь и затерялись в лесу. Те же, что явили мужество и остались, быстро поняли, что Великий Всадник – вовсе не порождение тьмы; ибо свет Амана сиял в лице его, и благороднейшие из эльфов подошли к нему, влекомые неведомой силой.

О тех же несчастных, коих уловил Мелькор, мало что известно доподлинно. Ибо кто из живущих спускался в подземелья Утумно или постиг темные замыслы Мелькора? Однако вот что считают истинным мудрецы с Эрессеа: все квенди, попавшие в руки Мелькора до того, как пала крепость Утумно, были брошены в темницы, и долгие, изощренные пытки искали и поработили их; так Мелькор вывел отвратительный народ орков из зависти к эльфам и в насмешку над ними; эльфам же были они впредь злейшими врагами. Ибо орки наделены жизнью и размножаются так же, как Дети Илуватара; а Мелькор после своего бунта в Айнулиндалэ до Начала Дней не мог создать ничего, что жило бы своей жизнью или хотя бы обладало подобием жизни; так рекут мудрые. И в глубине своих злобных сердец орки ненавидели Хозяина, что сверг их в столь жалкое состояние, хотя и служили ему из страха. Может быть, это и есть самое гнусное из всех преступлений Мелькора, и более всего ненавистно оно Илуватару.

Оромэ пробыл некоторое время среди квенди, а затем поспешил через моря и земли назад в Валинор, и принес вести в Валмар, и поведал о темных призраках, что тревожили Куивиэнэн. Тогда возрадовались Валар, но к радости их примешивалось сомнение; и долго спорили они, что лучше предпринять, чтобы защитить квенди от тени Мелькора. Оромэ же немедленно вернулся в Средиземье и остался среди эльфов.

Долго восседал на Таникветили Манвэ, погруженный в мысли, и искал совета Илуватара. Спустившись же в Валмар, он призвал Валар в Круг Судьбы, и даже Ульмо явился туда из Внешнего моря.

Тогда Манвэ объявил Валар: «Вот какой совет вложил Илуватар в мое сердце: мы должны вернуть себе власть над Ардой любой ценою и избавить квенди от тени Мелькора». Тогда возликовал Тулкас, но Аулэ опечалился, предвидя в мире великие разрушения как итог этой войны. Но Валар вооружились и выступили из Амана, исполненные воинской мощи, намереваясь атаковать твердыни Мелькора и покончить со злом. Никогда после не забывал Мелькор, что война эта начата была ради эльфов, и что они явились причиной его низвержения. Однако же сами эльфы не принимали участия в битвах, и мало что ведомо им о том, как силы Запада двинулись против Севера на заре их истории.

Мелькор встретил атаку Валар на северо-западе Средиземья, и всю ту область постигли немалые разрушения. Быстро одержали воинства Запада первую победу, и слуги Мелькора бежали перед их натиском к Утумно. Тогда Валар пересекли Средиземье и выставили стражу вокруг озера Куивиэнэн, и после того ничего не знали квенди о великой Битве Властей; ощущали лишь, как содрогается и стонет Земля; и всколыхнулись воды, и на севере вспыхивали огни, словно полыхали там яростные пожары. Долгой и тяжелой была осада Утумно, и много раз сталкивались армии перед воротами крепости; но только слухи о том дошли до эльфов, и ничего более. В ту пору изменились очертания Средиземья, и Великое море, что отделяло его от Амана, устремилось вглубь и вширь и затопило берега, и на юге возник глубокий залив.

Много меньших бухт образовалось меж Великим заливом и Хелькараксэ, что далеко на севере, где Средиземье и Аман почти соприкасались. Из них главным был залив Балар; в него впадала могучая река Сирион, сбегая с вновь образовавшихся северных нагорий: Дортониона и хребтов вокруг Хитлума. Земли далее к северу в те дни превратились в безжизненную пустыню; там, в подземных глубинах, возведена была крепость Утумно, в ее шахтах полыхали огни, и скопились там бесчисленные рати слуг Мелькора.

Но наконец пали под ударами врата Утумно, и сорваны были крыши с чертогов крепости, и Мелькор укрылся в самом глубоком подземелье. Тогда вперед выступил Тулкас, как поборник Валар, и сразился с ним врукопашную, и поверг его наземь лицом вниз; и был Мелькор скован цепью Ангайнор, что сработал Аулэ, и выведен наверх пленником; и воцарился на земле мир на долгие годы.

Однако же не обнаружили Валар всех подвалов и пещер, хитроумно сокрытых глубоко под основаниями крепостей Ангбанд и Утумно. Немало злобных тварей еще таилось там; другие же разбежались и схоронились во тьме, и после рыскали среди пустошей мира, ожидая своего часа. И Саурона Валар не нашли.

Но когда завершилась битва, и над руинами Севера поднялись клубы дыма и затмили звезды, Валар доставили Мелькора, скованного по рукам и ногам и с завязанными глазами, назад, в Валинор; и приведен он был в Круг Судьбы. Там он повергся ниц к ногам Манвэ и просил о помиловании, но получил отказ и брошен был в темницу крепости Мандоса, откуда никто не может бежать – ни Вала, ни эльф, ни смертный. Просторны и крепки стены той темницы, и возведены они на западе земли Аман. И приговорен был Мелькор оставаться там на протяжении трех веков, прежде чем будут судить его снова или вновь запросит он о милости.

И тогда опять собрались Валар на совет, но не было меж ними согласия. Одни (и главным среди них был Улмо) говорили, что квенди должно жить на свободе в Средиземье, странствуя, где им вздумается, преображая во благо земли и залечивая их раны при помощи дарованного им искусства. Но большинство Валар опасались за судьбы квенди в мире, полном опасностей, в обманчивых подзвездных сумерках; кроме того, пленились они красотой квенди и возжаждали их дружбы. И потому, наконец, Валар призвали эльфов в Валинор, дабы собрать их всех у престола Властей в свете Дерев отныне и навсегда; и Мандос нарушил молчание, молвив: «Так судил рок». И решение это повлекло за собою в будущем немало бед.

Эльфы же поначалу не пожелали внять призыву, ибо до сих пор видели они Валар – всех, кроме Оромэ – только в гневе, как шли они на битву; и страх охватил их. Тогда вновь отправили к ним Оромэ; и выбрал он среди них послов, что должны были отправиться в Валинор и говорить от имени своего народа; ими явились Ингвэ, Финвэ и Эльвэ, после ставшие королями среди эльфов. Придя же в Валинор, они исполнились благоговения перед славой и величием Валар и пленились светом и сверкающей красотой Дерев. Затем Оромэ привел их назад, к озеру Куивиэнэн, и они говорили перед своим народом, убеждая эльфов внять призыву Валар и отправиться на Запад.

Тогда-то и произошло первое разделение эльфов. Ибо род Ингвэ и большая часть родов Финвэ и Эльвэ вняли словам своих владык и согласились уйти и последовать за Оромэ; их с тех пор называют эльдар – это имя дал эльфам Оромэ в самом начале, на их собственном наречии. Но многие отказались внять призыву, предпочитая звездный свет и необозримые просторы Средиземья толкам о Деревах; этих называют авари, Непожелавшие; в ту пору авари отделились от эльдар и не встретились с ними вновь до тех пор, пока не минули многие века.

А эльдар готовились к великому походу, прочь от своих первых поселений на востоке; и выступили они тремя дружинами. Самый немногочисленный отряд, первым отправившийся в путь, вел Ингвэ, благороднейший из эльфийских владык. Он вступил в Валинор и пребывает у престола Властей, и все эльфы чтят его имя; но он никогда не возвращался назад и никогда

более не обращал взор свой к Средиземью. Народ его зовется ваньяр, это Дивные эльфы, возлюбленные Манвэ и Вардой; мало кто из людей беседовал с ними.

За ними шли нолдор, чье имя значит «мудрость», народ Финвэ. Это – Глубокомудрые эльфы, друзья Аулэ; они прославлены в песнях, ибо долгой и печальной была история их борьбы и трудов в северных землях былых времен.

Самый многочисленный отряд шел последним, и имя тем эльфам телери, ибо они замешкались в пути и долго колебались, прежде чем предпочесть сумраку свет Валинора. Очень любили они воду; и тех, кто пришел наконец к западному побережью, очаровало море. Потому в земле Аман зовут их Морские эльфы, фалмари, ибо слагали они музыку подле рокочущих волн. Два владыки стояли над ними, ибо велико было их число: Эльвэ Синголло (что означает Серый Плащ) и Олвэ, брат его.

Таковы три рода эльдалиэ, что пришли наконец на заокраинный Запад в те дни, покуда живы были Деревя; и зовутся они калаквенди, эльфы Света. Но были среди эльдар и другие, – те, что выступили в поход на запад, но отстали во время долгого пути или повернули вспять, или задержались на берегах Средиземья; то были, по большей части, эльфы из рода телери, о чем пойдет речь далее. Они поселились у моря, или же скитались среди лесов и гор мира, однако сердца их обращены были к Западу. Этих эльфов калаквенди именуют уманьяр, ибо они так и не пришли в землю Аман, в Благословенное Королевство; равно и уманьяр, и авари называют также мориквенди, эльфы Тьмы, ибо они так и не узрели свет, сиявший до того, как возшли Солнце и Луна.

Говорят, что, когда отряды эльдалиэ покидали Куивиэнэн, Оромэ ехал во главе их верхом на Нахаре, белом скакуне своем, подкованном золотом; и, пройдя на север вдоль моря Хелькар, они свернули к западу. Впереди, на севере, все еще клубились черные тучи, нависая над руинами войны, и не видно было звезд в той земле. Тогда многие убоялись и пали духом, и повернули вспять, и позабыты они ныне.

Долго и неспешно двигались эльдар на запад, ибо бессчетны были лиги тяжкого пути через нехоженные просторы Средиземья. Да и не желали эльдар торопиться, ибо дивились они всему, что открывалось их взорам; во многих землях и у многих рек тянуло их задержаться – и, хотя все эльфы по-прежнему желали продолжать странствия, многие скорее боялись, что путешествию наступит конец, нежели ждали этого. Потому, когда оставлял их на время Оромэ, возвращаясь к другим делам, эльфы останавливались и дальше не шли, пока не возвращался Оромэ, чтобы вести их вперед. И, после долгих лет скитаний, случилось так, что дорога эльдар пролегла через лес, и вышли они к великой реке – шире, чем видели до сих пор; а за нею высились горы, и остроконечные вершины их, казалось, пронзали небесный свод, усеянный звездами. Говорят, это была та самая река, что позже именовалась Андуин Великий и всегда служила рубежом западных земель Средиземья. А горы те на границах Эриадора звались Хитаэглир, Твердины Тумана; однако же в те дни они были выше и ужаснее: их воздвиг Мелькор, чтобы воспрепятствовать выездам Оромэ. И вот телери надолго задержались на восточном берегу той реки, мечтая там и остаться; но ваньяр и нолдор переправились через реку, и Оромэ повел их горными перевалами. Когда же ушел вперед Оромэ, телери взглянули на одетые мраком вершины, и обьял их страх.

Тогда выступил вперед эльф из отряда Олвэ, что шел всегда последним; звали его Ленвэ. Он отказался от похода на запад и многих увел с собою к югу вниз по течению великой реки; долгие годы сородичи не ведали об их дальнейшей судьбе. Это были нандор; народ их обособился и стал непохож на родню свою, разве что так же любили они воду и селились обычно

у водопадов и ручьев. Всех прочих эльфов превосходили они знаниями обо всем живущем: о деревьях и травах, птицах и зверях. В последующие годы Денетор, сын Ленвэ, снова повернул наконец на запад и увел с собою часть своего народа через горы к Белерианду, еще до того, как взойшла Луна.

Наконец ваньяр и нолдор перешли Эред Луин, Синие горы, между Эриадором и западными окраинами Средиземья, – эти земли эльфы после называли Белерианд; и передовые отряды миновали долину Сириона и спустились к берегам Великого моря между Дренгистом и заливом Балар. Когда же узрели эльфы море, их охватил необоримый страх, и многие возвратились в леса и нагорья Белерианда. Тогда Оромэ оставил их и вновь отправился в Валинор за советом к Манвэ.

А народ телери перевалил через Туманные горы и пересек обширные земли Эриадора, ибо Эльвэ Синголло побуждал их идти вперед: Эльвэ снесало желание вернуться в Валинор, к Свету, что некогда открылся его взору, и не хотел он отстать от нолдор, ибо его и Финвэ, их повелителя, связывала тесная дружба. Так, спустя много лет, телери тоже перешли наконец через Эред Луин и достигли восточных областей Белерианда. Там они остановились и жили некоторое время за рекой Гелион.

Глава 4

О Тинголе и Мелиан

Мелиан была Майа из рода Валар. Жила она в садах Лориэна, и среди всего его народа не было никого прекраснее и мудрее Мелиан; не было равных ей в искусстве колдовских песен. Говорят, что Валар забывали о трудах своих, а птицы Валинора – о своем веселии, смолкали колокола Валмара, и фонтаны умеряли мощь струй, когда пела Мелиан в Лориэне в час слияния света Дерев. Соловьи следовали за нею повсюду, и она обучила их песням; и любила она глубокую тень могучих деревьев. Еще до сотворения мира она была сродни самой Йаванне; когда же пробудились квенди у озера Куивизенен, она покинула Валинор и пришла в Ближние земли, и в предрассветном безмолвии Средиземья зазвучал ее голос и голоса ее птиц.

Народ же телери, как уже говорилось, надолго остановился в Восточном Белерианде за рекою Гелион, ибо путь их близился к концу. А многие из нолдор в ту пору все еще пребывали западнее, в лесах, что позже названы были Нельдорет и Регион. Эльвэ, владыка телери, часто уходил через густые леса к стану нолдор, чтобы повидать друга своего Финвэ. И случилось так однажды, что пришел он один в лес Нан Эльмот, залитый светом звезд, и вдруг услышал пение соловьев. Эльвэ застыл, околдованный; и вдалеке, отчетливее голосов *ломелинди*, он различил голос Мелиан, и сердце его переполнилось изумлением и любовью. Тогда позабыл Эльвэ о своем народе и замыслах своих, и последовал за птицами сквозь сумрак лесной чащи, и углубился в Нан Эльмот, и затерялся в нем. Но вышел он, наконец, на поляну, открытую свету звезд, и там стояла Мелиан; из тьмы взирал на нее Эльвэ, и в лице ее сиял свет Амана.

Ни слова не произнесла она; но, охваченный любовью, Эльвэ приблизился к ней и взял ее за руку, и тотчас же пали на него чары. Так стояли они, и звезды над ними много раз свершили свой круговой путь в небесах, отмеряя ход долгих лет, и деревья Нан Эльмота высоко вознесли свои ветви, окутанные мраком, прежде чем вымолвили эти двое хоть слово.

Потому народ Эльвэ искал своего владыку, но не нашел; и Олвэ принял королевскую власть над телери, и увел их от тех мест, как будет сказано далее. Но Эльвэ Синголло за всю его жизнь не довелось более пересечь море и вступить в Валинор; и Мелиан не возвращалась туда, пока существовало их королевство; но через нее род эльфов и людей унаследовал нечто и от Айнура – тех, что были подле Илуватара прежде, чем началось бытие Эа. В последующие дни Эльвэ стал прославленным королем и правил всеми эльдар Белерианда; их называли синдар, Серые эльфы, эльфы Сумерек; его же именовали Король Серый Плащ, Элу Тингол на языке той земли. Мелиан, превосходящая мудростью всех детей Средиземья, была его королевой; их потаенные чертоги в Дориате звались Менегрот, Тысяча Пещер. Великой властью наделила Мелиан Тингола; а он и сам был великим владыкой среди эльдар, ибо из всех синдар он единственный видел своими глазами Деревя в пору их расцвета; и хотя он и правил уманьяр, причислен он не к мориквенди, но к эльфам Света, обладавшим в Средиземье немалым могуществом. И через любовь Тингола и Мелиан в мир пришла та прекраснейшая из всех Детей Илуватара, чья красота была и останется непревзойденной.

Глава 5

Об Эльдамаре и владыках Эльдалиэ

В назначенный час отряды ваньяр и нолдор пришли к последнему западному берегу Ближних земель. В давние времена, после Войны Властей, в северной своей части эти берега простирались еще далее к западу, и на северных окраинах Арды только неширокое море отделяло Аман, где был выстроен Валинор, от Внешних земель; но узкое море это сковали скрежещущие льды – так суровы были морозы Мелькора. Потому Оромэ не повел отряды эльдалиэ дальше на север, но привел их в цветущие земли за рекой Сирион, впоследствии названные Белерианд. От этих берегов, откуда эльдар впервые взглянули на Море, охваченные изумлением и страхом, простирался океан – необозримый, темный, бездонный, отделяющий их от гор Амана.

Улмо же, по совету Валар, пришел к берегам Средиземья и заговорил с эльдар, которые ожидали там, взирая на темные волны; и благодаря словам его и музыке, что сыграл Улмо для эльфов на рогах из раковин, страх эльфов перед морем сменился скорее желанием. Тогда Улмо сдвинул с места остров, что издавна одиноко возвышался посреди моря, равно удаленный и от тех, и от других берегов – возвышался с тех самых пор, как рухнул Иллуин и разыгралась буря; и, с помощью своих слуг, повлек его, точно могучий корабль, и установил его в заливе Балар, куда впадал Сирион. Тогда ваньяр и нолдор взошли на тот остров и были повлечены через море, и так, наконец, они достигли протяженных берегов у подножия гор Амана, и вступили в Валинор, и обрели радушный прием в благословенном краю. Однако восточный мыс острова, глубоко ушедший в землю на мелководье близ устьев Сириона, отломился и остался на месте. Говорят, то был остров Балар, куда после часто приходил Оссэ.

Но телери все еще оставались в Средиземье; они жили в Западном Белерианде, далеко от моря, и не слышали они в срок призыва Улмо; многие же все еще разыскивали Эльвэ, своего повелителя, а без него не желали уходить. Когда же узнали они, что Ингвэ и Финвэ, и народы их ушли, тогда многие телери заторопились к берегам Белерианда и поселились близ устьев Сириона, тоскуя по своим ушедшим друзьям; они избрали своим королем Олвэ, брата Эльвэ. Долго оставались они у берегов западного моря; и явились к ним Оссэ и Уинен, и покровительствовали им, и Оссэ наставлял их, восседая на скале у самого края земли; от него переняли телери всевозможные познания о море и музыку моря. Вот так случилось, что телери, которые с самого начала любили воду и пели прекраснее всех эльфов, были впоследствии очарованы морями, и в песнях их зазвучал шум накатывающих на берег волн.

Когда же минуло много лет, Улмо внял просьбам нолдор и короля их Финвэ, которые горевали, разлучившись столь надолго с телери, и уговаривали Улмо переправить их в Аман, если только те пожелают прийти. И теперь в большинстве своем они и впрямь хотели того; но велико было горе Оссэ, когда Улмо вернулся к берегам Белерианда, чтобы увести эльфов прочь, в Валинор. Ибо заботе Оссэ вверены были моря Средиземья и побережья Ближних земель, и не рад он был, что не зазвучат более в его владениях голоса телери. Некоторых убедил он остаться: то были фалатрим, эльфы Фаласа, что в последующие дни жили в гаванях Бритомбар и Эгларест – первые мореходы Средиземья и первые создатели кораблей. Правил ими Кирдан Корабел.

Родичи же и друзья Эльвэ Синголло тоже остались в Ближних землях, продолжая разыскивать его, хотя и готовы были уйти в Валинор к свету Дерев, если бы только Улмо и Олвэ согласились задержаться подольше. Но Олвэ стремился уйти; и, наконец, большинство телери взошли на остров, и Улмо увез их далеко прочь. А друзья Эльвэ поневоле остались; с тех пор они называли себя эглат, Покинутый Народ. Они охотнее селились среди лесов и холмов Беле-

рианда, нежели у моря, ибо вид моря будил в них грусть; однако мечта об Амানে всегда жила в их сердцах.

Когда же Эльвэ очнулся от долгого забытья, он покинул Нан Эльмот вместе с Мелиан, и они поселились в лесах в самом сердце Белерианда. Хоть и велико было прежде желание Эльвэ увидеть вновь свет Дерев, в лице Мелиан сиял для него свет Амана, отраженный как в незамутненном зеркале; и в том сиянии находил он отраду. Радостно встретил Эльвэ его народ, и изумлялись эльфы: ибо и раньше был он прекрасен и величав, а теперь предстал их взорам словно бы владыка из рода Майар: ростом превосходил он всех Детей Илуватара, темным серебром отливали его кудри, и высокий жребий уготовила ему судьба.

А Оссэ последовал за народом Олвэ; когда же вошли они в залив Эльдамар (а это и есть Эльфийский дом), Оссэ воззвал к ним, и эльфы узнали его голос и умолили Улмо остановиться. И Улмо исполнил их просьбу: по его воле Оссэ утвердил и укрепил остров в основании морского дна. С тем большей охотой сделал это Улмо, что ясно читал он в сердцах телери; и некогда на совете он отговаривал Валар призывать эльфов в Валинор, полагая, что для квенди лучше остаться в Средиземье. Недовольны были Валар тем, что он содейл; и опечалился Финвэ, что не пришли телери, и опечалился еще более, узнав, что Эльвэ был покинут в Средиземье; и понял, что не увидится с ним снова, иначе как в чертогах Мандоса. Однако остров более не сдвигали с места: одиноко возвышался он в заливе Эльдамар, и назвали его Тол Эрессеа, Одинокый остров. Там и поселились телери, как того пожелали, под небесными звездами, и однако ж оттуда открывался их взорам Аман и не знающий смерти берег. Потому же, что долго жили телери отдельно от других на Одиноком острове, речь их сделалась непохожей на язык ваньяр и нолдор.

А ваньяр и нолдор Валар дали в удел многие земли. Но даже среди ярких цветов в садах Валинора, в зареве Дерев, порою тосковали эльфы по свету звезд; и тогда была проделана брешь в могучих стенах гор Пелори. Там, в глубокой долине, что сбегала к самому морю, эльдар воздвигли высокий зеленый холм и назвали его Туна. С запада озарял его свет Дерев, потому тень он неизменно отбрасывал к востоку; а с востока открывался залив Эльфийского дома, и Одинокый остров, и Тенистые моря. Так сквозь Ущелье Света, Калакирья, струилось сияние Благословенных Земель, и темные волны вспыхивали золотом и серебром; и свет изливался на Одинокый остров, и его западные берега стали зелены и прекрасны. Впервые к востоку от гор Амана там расцвели цветы.

На вершине холма Туна был возведен город эльфов, белокаменные стены и террасы Тириона; самой высокой из его башен стала Башня Ингвэ, Миндон Эльдалиэва, и далеко светил луч ее серебряного маяка, пронзая морские туманы. Но немногим смертным мореходам доводилось видеть его трепетный свет. Ваньяр и нолдор долго жили в дружбе в Тирионе на холме Туна. И поскольку более всех сокровищ Валинора полюбилось им Белое Дерево, Йаванна создала для них меньшее дерево, во всем подобное Тельпериону, только не давало оно света. На языке синдарин звалось оно Галатилион. Это дерево посажено было во дворе у подножия башни Миндон, и цвело там; побеги же его рассадили по всему Эльдамару. Один из них после высажен был на Тол Эрессеа, и прижился там, и назван был Келеборн. От него-то, как говорится в других сказаниях, в свой срок взят был Нимлот, Белое Дерево Нуменора.

Манвэ и Варда более всего любили ваньяр, Дивных эльфов; Аулэ же предпочитал нолдор; и сам Аулэ, и его народ часто приходили к ним. Великие знания и искусство обрели нолдор, но не иссякала их неуемная жажда новых знаний, и вскоре во многом превзошли они своих учителей. Речь их непрестанно менялась, ибо велика была любовь нолдор к слову, и постоянно

стремились они подобрать более точные названия всему, что знали и о чем помышляли. И так случилось, что каменщики дома Финвэ, трудясь в горных каменоломнях (ибо в радость им было возводить высокие башни), первыми нашли драгоценные кристаллы земли, и добыли их бесчисленное множество; и придумали орудия для обработки и огранки камней, и придали им многие формы. Не копили они самоцветы, но раздавали их направо и налево, работой своей умножая великолепие всего Валинора.

Впоследствии нолдор возвратились в Средиземье, и предание это повествует главным образом об их деяниях, потому должно назвать здесь имена их правителей в той форме, как звучали они позже на языке эльфов Белерианда, а также поведать и о родстве их.

Финвэ был королем нолдор. Сыновья его звались Феанор, Финголфин и Финарфин; но матерью Феанора была Мириэль Сериндэ, в то время как матерью Финголфина и Финарфина стала Индис из народа ваньяр. Не было равных Феанору в искусстве слова и в мастерстве; и знанием превосходил он своих братьев; дух его пылал огнем. Финголфин был самым сильным, самым стойким и отважным. Финарфин же был прекраснее всех, и наделен к тому же мудрым сердцем; впоследствии он сдружился с сыновьями Олвэ, правителя телери, и взял в жены Эарвен, деву-лебедь из Алквалондэ, дочь Олвэ.

Семеро сыновей было у Феанора: Маэдрос высокий; Маглор могучий певец, чей голос далеко разносился над землею и морем; Келегорм прекрасный и Карантир темный; Куруфин искусный, что более прочих унаследовал умелые руки своего отца; и младшие, близнецы Амрод и Амрас, схожие лицом и нравом. В последующие дни они стали славными охотниками в лесах Средиземья; охотником был и Келегорм. В Валиноре он сдружился с Оромэ и часто следовал на звук его рога.

Сыновьями Финголфина были Фингон, что после стал королем нолдор на Севере мира, и Тургон, владыка Гондолина; сестра их звалась Арэдель Белая. По летосчислению эльдар она была моложе своих братьев; когда же повзрослела Арэдель и расцвела ее красота, стала она статной и сильной, и полюбила ездить верхом и охотиться в лесах. Часто сопровождали ее сыновья Феанора, ее родня; но никому не отдала она своего сердца. Ар-Фейниэль называли ее, Белая Госпожа нолдор, ибо бледным был цвет лица ее, а кудри – темны; и облекалась она в одежды белые с серебром.

Сыновьями Финарфина были Финрод Верный (которого после именовали Фелагунд, Владыка Пещер), Ородрет, Ангрод и Аэгнор; этих четверых связывали с сыновьями Финголфина узы тесной дружбы, словно все они были братьями. Сестра их, Галадриэль, затмевала красотой всех в роду Финвэ; кудри ее сверкали золотом, точно вобрали в себя сияние Лаурелин.

Теперь следует поведать о том, как телери наконец пришли в землю Аман. На протяжении долгих веков жили они на Тол Эрессеа, но перемена медленно свершалась в их сердцах, и вот затосковали они по свету, что струился к Одинокому острову через море. И разрывались они между любовью к музыке волн, что разбивались о их берега, и желанием снова увидеть родню свою и взглянуть на великолепие Валинора; и, наконец, мечта о свете оказалась сильнее. Тогда Ульмо, подчинясь воле Валар, послал к ним Оссэ, их друга, а тот, хотя и горюя, обучил их искусству кораблестроения. Когда же готовы были корабли, принес Оссэ эльфам лебедей с сильными крылами, как прощальный дар. И лебеди повлекли белоснежные корабли телери по безветренному морю; и так, наконец, последними вступили телери в Аман и на берега Эльдамара.

Там и поселились они, и могли, буде того пожелают, любоваться сиянием Дерев и ходить по золоченым улицам Валмара и хрустальным ступеням Тириона на зеленом холме Туна; но чаще всего плавали они на своих быстрых кораблях по водам Залива Эльфийского дома или бродили в прибрежных волнах, и в кудрях их переливался свет, льющийся из-за холма. Много драгоценных камней подарили им нолдор: опалы и диаманты, и бледные кристаллы хрусталя; и телери рассыпали их по берегам и в заводах. Великолепны были берега Элендэ в те дни! Немало жемчугов добывали телери сами со дна моря, и чертоги их были из жемчуга; из жемчуга были и дворцы Олвэ в Алквалондэ, Лебединой Гавани, озаренной огнями бесчисленных светильников. Это и был город телери, и гавань для их кораблей; корабли же строили они по образу лебедей, с золотыми клювами и очами из золота и черного янтаря. Воротами города-гавани стала арка из естественного камня, выточенная морем; возвышалась она у пределов Эльдамара, к северу от ущелья Калакирья, где ясным, ярким светом сияли звезды.

Шли века, и ваньяр полюбили землю Валар и незамутненный свет Дерев, и покинули город Тирион на холме Туна, и обосновались на горе Манвэ и на равнинах и среди лесов Валинора, отделившись от нолдор. В сердцах же нолдор жила память о Средиземье, осиянном звездами, и они селились в ущелье Калакирья, и в холмах и долинах, куда доносился шум западного моря. Хотя многие часто путешествовали по земле Валар, далеко направляя свой путь в стремлении своем разгадать тайны земли и вод, и всего живого, однако же народы Туны и Алквалондэ близко сошлись в те дни. Финвэ правил в Тирионе, а Олвэ – в Алквалондэ, но Верховным Королем над всеми эльфами неизменно почитался Ингвэ. Он пребывал у престола Манвэ на вершине Таникветиль.

Феанор и его сыновья нигде не жили подолгу, но странствовали по Валинору из конца в конец и добирались даже до границ Тьмы и холодных берегов Внешнего моря, взыскуя неведомого. Нередко гостили они в чертогах Аулэ; Келегорм же предпочитал обитель Оромэ – там узнал он многое о зверях и птицах и перенял все их языки. Ибо все живые существа, что есть или были в Королевстве Арды, кроме разве злобных и свирепых тварей Мелькора, обитали тогда в земле Аман; а также и немало других созданий, коих в Средиземье не видывали и, надо думать, не увидят уж никогда, ибо мир изменился безвозвратно.

Глава 6

О Феаноре и освобождении Мелькора

И вот три народа эльдар собрались наконец в Валиноре; Мелькор же был закован в цепи. То был Полдень Благословенного Королевства, расцвет его славы и великолепия, долгий в пересчете лет, но в памяти оставшийся как краткий миг. В те дни эльдар возмужали телесно и духовно; умножились знания и искусство нолдор, радостно трудились они на протяжении долгих лет, сотворяя немало нового, дивного и прекрасного. Именно тогда нолдор впервые задумались о создании письменности. Румилем из Тириона звали того мудреца, что первым измыслил письмена, подходящие для запечатления речи и песен; одни – для того, чтобы вырезать их на металле и камне, другие – для рисования пером и кистью.

В ту пору рожден был в Эльдамаре в доме короля Тириона на вершине Туны старший из сыновей Финвэ, и самый любимый. Ему дали имя Куруфинвэ, но мать нарекла его Феанор, Дух Огня; и так именуется он во всех преданиях нолдор.

Имя матери его было Мириэль, а называли ее Сериндэ, потому что в совершенстве умела она ткать и шить; даже среди нолдор не было ей равных в тонком и изящном рукоделии. Великой и радостной была любовь Финвэ и Мириэли, ибо зародилась она в Благословенном Королевстве в Блаженные Дни. Но, вынашивая сына, Мириэль изнемогла духом и телом и после рождения его затосковала об освобождении от бремени жизни. И, дав сыну имя, она сказала Финвэ: «Никогда более не носить мне дитя, ибо сила, что питала бы жизнь многих, вошла в Феанора».

Тогда опечалился Финвэ, ибо народ нолдор был юн, и мечтал Финвэ дать жизнь многим детям в благословенной земле Аман; и сказал он: «Разве нет исцеления в Амане? Здесь все усталые обретают покой». Но Мириэль слабела с каждым днем, и Финвэ обратился за советом к Манвэ; Манвэ же поручил ее заботам Ирмо в Лориэне. Расставаясь с женой (ненадолго, как он думал), Финвэ был грустен, ибо казалось ему великим несчастьем, что мать должна покинуть сына и хотя бы первые дни его детства пройдут вдали от нее.

«Воистину, это несчастье, – отвечала Мириэль, – и я бы плакала, не будь я столь утомлена. Но не ставь мне это в вину, как и все то, что, возможно, последует позже».

И она удалилась в сады Лориэна и погрузилась в сон; но, хотя казалась она спящей, дух ее воистину оставил тело и безмолвно отлетел в чертоги Мандоса. Девы Эстэ ухаживали за телом Мириэли, и тлен его не коснулся, но она так и не возвратилась. Долго горевал Финвэ; часто приходил он в Лориэн и, присев в тени серебристых ив подле тела своей жены, звал ее по именам. Но все было напрасно; и в Благословенном Королевстве один он не знал радости. Прошло время, и он перестал приходить в Лориэн.

Всю любовь свою обратил тогда Финвэ на своего сына. Феанор рос быстро, как будто пылал в нем тайный огонь. Он был высок, прекрасен ликом и властен нравом; яркий взгляд его пронзал насквозь, а кудри были словно вороново крыло; упорно и нетерпеливо добивался он всего, что задумал. Мало кому удавалось переубедить его советом; никому не удавалось принудить. Среди всех нолдор, что были до и после него, не находилось ему равных: столь острый ум и умелые руки даровала ему судьба. В юности своей, совершенствуя труд Румиля, он создал письмена, что носят его имя – впредь эльдар всегда пользовались ими. Именно Феанор первым из нолдор открыл секрет создания драгоценных камней крупнее и ярче тех, что находят в земле. Первые камни, сделанные Феанором, были бледны и бесцветны, но если касался их звездный свет, они вспыхивали голубым и серебряным огнем, ярче, чем Хеллуин. Сделал он и другие кристаллы, в которых можно было различать предметы, находящиеся на далеком расстоянии – различать ясно, хотя и уменьшенными – как если бы глядя взором орлов Манвэ. Не знали покоя ни руки, ни ум Феанора.

Еще в ранней юности он женился на Нерданели, дочери искусного кузнеца по имени Махтан – он был из тех нолдор, кого особо отмечал Аулэ. От Махтана научился Феанор многим секретам в работе с металлом и камнем. Нерданель тоже обладала твердою волей, но, в отличие от Феанора, наделена была и терпением; она стремилась понимать других, а не подчинять их себе. Поначалу она сдерживала мужа, когда огонь в его сердце разгорался слишком жарко; но позднейшие его деяния огорчали ее, и они стали чужими друг другу. Семерых сыновей родила она Феанору; некоторые унаследовали ее нрав, но не все.

И случилось так, что Финвэ женился во второй раз на Индис Прекрасной. Она была из народа ваньяр и приходилась близкой родственницей Ингвэ, Верховному Королю: золотоволосая и статная, во всем непохожая на Мириэль. Всей душой полюбил ее Финвэ и вновь обрел радость. Но тень Мириэли по-прежнему незримо присутствовала в доме Финвэ и в сердце его; над всеми, кто был ему дорог, в мыслях его господствовал Феанор.

Не обрадовала Феанора свадьба его отца, и не питал он большой любви к Индис и к сыновьям ее Финголфину и Финарфину. Он жил отдельно от них, исследуя землю Амана и посвящая все свое время овладению знаниями и занятиям ремеслами, столь ему милыми. Многие считали, что разлад в доме Финвэ стал причиной всех приключившихся позже бедствий, что навлек на свой народ Феанор; и полагали эльфы, что, если бы Финвэ примирился с потерей и нашел утешение в заботах о своем могучем сыне, иными были бы поступки Феанора и не случилось бы непоправимого зла; ибо в памяти нолдор навечно запечатлелись скорбь и распря дома Финвэ. Однако дети Индис, а также и их дети, немало возвеличены и прославлены; и не будь их, отчасти умалилась бы и померкла история эльдар.

И пока в делах радостного созидания текли дни Феанора и мастеров нолдор, и не предвиделось трудам их ни конца, ни края; пока росли и выросли сыновья Индис, Полдень Валинора клонился к закату. Ибо истек срок наказания Мелькора, как и было то назначено Валар; три века пробыл он в одиночестве, заточенный в узилище Мандоса. Наконец, как и обещал некогда Манвэ, его снова привели пред троны Валар. И взглянул он на их величие и радость, и зависть запылала в его сердце; взглянул он на Детей Илуватара, что пребывали у престола Могучих, и охватила его ненависть; взглянул он на бесчисленные драгоценные камни, сиявшие ярким светом, и взалкал их; но не выдал он своих мыслей и отложил на время мщение.

Перед вратами Валмара Мелькор смиренно пал к ногам Манвэ и взмолился о прощении; и клялся, что, если бы позволили ему быть лишь последним среди свободного народа Валинора, он стал бы помогать Валар во всех их трудах, главным же образом в исцелении многих ран, что нанес некогда миру. И Ниэнна присоединила свой голос к его просьбе; Мандос же хранил молчание.

И Манвэ даровал ему прощение, однако до поры Валар не желали отпускать его из-под своего бдительного надзора, и вынужден был Мелькор поселиться в стенах Валмара. Но благи казались все слова его и деяния в то время; и Валар и эльдар на пользу шли помощь его и совет, буде искали они таковых; и потому вскорости позволили Мелькору свободно бродить по земле, и уверился Манвэ, что Мелькор исцелился от зла. Ибо сам Манвэ зла был чужд и не мог понять его сути, и знал он, что изначально в помыслах Илуватара Мелькор был во всем равен ему. Не постиг Манвэ глубин сердца Мелькора и не ведал, что давно уже в этом сердце иссякла любовь. Но не обманулся Ульмо, и Тулкас сжимал кулаки всякий раз, как проходил мимо Мелькор, его заклятый враг; ибо нелегко пробудить ярость Тулкаса, но и забывает он нескоро. Однако они повиновались решению Манвэ, ибо тот, кто защищает законную власть противу бунта, не должен бунтовать сам.

В глубине души Мелькор более всего ненавидел эльдар, потому что были они прекрасны и радостны, и еще потому, что в них видел он причину выступления Валар и собственного низвержения. Но тем более старался он выказать им свою любовь и искать их дружбы, и предлагал он им свои познания и помощь во всех их великих начинаниях. Ваньяр, правда, не доверяли ему, ибо довольно им было света Дерев; а на телери Мелькор почти не обращал внимания, почитая их вовсе бесполезными, орудиями слишком слабыми для замыслов его. Но нолдор восторгались сокровенными знаниями, что открывал им Мелькор, и некоторые склоняли слух свой к словам, какие лучше бы им никогда не слышать. Действительно, Мелькор утверждал после, что Феанор многому научился от него втайне, и что это он, Мелькор, наставлял его в воплощении величайшего из его трудов; но то была ложь, порожденная завистью и алчностью, ибо никто из эльдалиэ не ненавидел Мелькора больше, нежели Феанор, сын Финвэ, первым нарекший его Морготом. Хоть и запутался Феанор в тенетах злобы Мелькора против Валар, не вел он с ним бесед и не принимал от него советов. Ибо Феанор движим был только пламенем своего сердца; трудился он скоро и в одиночестве, и никого из живущих в Амане, малых ли, великих ли, не просил о помощи и не искал ничьего совета, кроме Нерданели мудрой, своей жены – и то лишь на краткий срок.

Глава 7

О Сильмарилях и смуте среди нолдор

В ту пору созданы были творения, в последующие века прославленные превыше всего прочего, что выходило когда-либо из рук эльфов. Ибо Феанор, в расцвете своей силы, увлекся новой мыслью, или, может быть, тень предчувствия того, что должно было вскорости свершиться, коснулась его: задумался он, как сохранить нетленным свет Дерев, славу Благословенного Королевства. И начал он долгий, тайный труд, и призвал на помощь все свои знания и могущество, и свое непревзойденное искусство; и в итоге итогов сотворил он Сильмарили.

По форме были они точно три огромных драгоценных камня. Но из чего сделаны они, не узнает никто до самого Конца, когда возвратится Феанор, каковой погиб прежде, чем создано было Солнце, и пребывает ныне в Чертогах Ожидания и не возвращается к народу своему; узнают о том не раньше, чем погаснет Солнце и падет Луна. На кристаллы бриллиантов походили они, однако твердостью превосходили адамант; никакая сила в Королевстве Арды не могла повредить или сокрушить их. Но кристалл этот был для Сильмариелей то же, что телесная оболочка для Детей Илуватара: вместилище внутреннего пламени, что пылает в глубине их и пронизывает в то же время все их существо, и пламя это – их жизнь. А внутренний огонь Сильмариелей Феанор создал из смешанного света Дерев Валинора, и свет тот жив в них и поныне, хотя Деревы давно увяли, и сияние их погасло. Потому даже во тьме подземных сокровищниц Сильмарили сверкали собственным огнем, подобно звездам Варды; и однако, словно и впрямь были они живыми существами, радовались свету и вбирали его, и изливали назад переливами всевозможных оттенков, более дивных, нежели прежде.

Все живущие в Амане преисполнились изумления и радости при взгляде на творение Феанора. И Варда освятила Сильмарили; и после того ничто злое не могло коснуться их, ни смертная плоть, ни нечистые руки: огонь камней опалял и сжигал нечестивых; Мандос же предсказал, что судьбы Арды, земля, вода и воздух заключены в сих кристаллах. Сердце Феанора было в плену у этих камней, что сам же он и сотворил.

Тогда Мелькор возжелал Сильмариелей, и само воспоминание об их сиянии жгло огнем его сердце. С этого времени, охваченный неодолимой страстью, он еще более старательно изыскивал средство погубить Феанора и посеять вражду между Валар и эльфами; но он хитро скрывал свои замыслы, и принятое им обличие не выдавало до поры его злобный нрав. Неспешно плел он свои сети, долгим был труд его и поначалу тщетным. Но тот, кто сеет ложь, соберет в итоге обильный урожай, и вскорости сможет он отдохнуть от забот своих, ибо другие станут сеять и жать вместо него. Даже Мелькор нашел тех, кто склонил к нему свой слух, и тех, кто, повторяя слышанное, добавлял многое и от себя; и лживые его речи передавались от одного друга к другому, точно тайны, знание которых свидетельствует о мудрости говорящего. Страшную цену заплатили нолдор за свою безрассудную доверчивость в последующие дни.

Когда убедился Мелькор, что многие к нему прислушиваются, часто стал он бывать среди нолдор, и в лстивые свои речи вплетал и другие, но столь искусно, что многие из слышавших эти слова после считали их отзвуком своих же собственных мыслей. Вкладывал он в сердца эльфов видения могучих королевств, коими могли бы они править безраздельно на Востоке, сильные и свободные; а затем пустил слухи о том, что Валар, якобы, привели эльдар в Аман из зависти; опасаясь, что красота квенди и великий дар творения, унаследованный ими от Илуватара, возрастут несказанно, и не смогут Валар управлять эльфами, когда умножится род эльдар и расселится на бескрайних просторах мира.

Более того, хотя Валар в те дни и знали о назначенном приходе людей, эльфам о том до поры было неведомо; ибо Манвэ им того не открыл. Мелькор же тайно поведал эльдар о Смертных людях, видя, что умолчание Валар можно исказить и обратить во зло. Мало что знал он

тогда о людях и сам, ибо, поглощенный собственной своей думой в Музыке, не обратил он внимания на Третью Тему Илуватара. Теперь же прошел слух среди эльфов, будто Манвэ держит их в плену для того, чтобы люди могли прийти и вытеснить их из королевств Средиземья, ибо Валар понимали: куда легче управлять этой слабой, недолго живущей расой, обманом лишая эльфов наследия Илуватара. Мало правды было в тех речах; мало преуспели Валар когда бы то ни было в том, чтобы подчинить себе волю людей; но многие нолдор поверили злобным наветам, до конца или отчасти.

Вот так, прежде, чем узнали о том Валар, яд злобы отравил мир в Валиноре. Нолдор принялись роптать против Властей; многих обуяла гордыня, и позабыли они, сколь многое из того, чем обладали и что знали, получили они в дар от Валар. Но ярче всего пламенное желание свободы и владений более обширных вспыхнуло в нетерпеливом сердце Феанора, и Мелькор смеялся втайне, ибо ложь его угодила в цель: более всего ненавидел он Феанора и жаждал завладеть Сильмарилиями. Но к драгоценностям этим не мог он даже приблизиться, ибо, хотя на великих празднествах сияли они на челе Феанора, в другие дни они бдительно охранялись, запертые в подземных залах его сокровищницы в Тирионе. Ибо Феанор проникся к Сильмарилиям любовью, граничащей с жадностью, и не позволял смотреть на них никому, кроме отца и своих семерых сыновей; теперь редко вспоминал он о том, что свет, заключенный в самоцветах, создал не он.

Благородными владыками были принцы Феанор и Финголфин, старшие сыновья Финвэ, всеми чтимые в Амане; теперь же они возгордились, и каждый ревниво оберегал права свои и собственность. Тогда Мелькор распустил в Эльдамаре новые лживые слухи, и коварные наветы достигли ушей Феанора, будто бы Финголфин и его сыновья замышляют захватить власть, принадлежащую Финвэ и Феанору, его прямому наследнику, и сместить их с дозволения Валар, ибо Валар недовольны тем, что Сильмарили хранятся в Тирионе, а не доверены им. А Финголфину и Финарфину говорилось иное: «Остерегайтесь! Никогда не питал любви надменный сын Мириэли к детям Индис. Теперь он могуч, и отец во всем уступает ему. Недалеко то время, когда он изгонит вас с холма Туна!»

Когда же убедился Мелькор, что лживые наветы его уже дают плоды и что в сердцах нолдор пробудились гордыня и гнев, он заговорил с ними об оружии; и тогда нолдор стали ковать мечи, и секиры, и копья. И щиты они делали, и изображали на них знаки домов и родов, что соперничали друг с другом; щиты носили они открыто, а о прочем оружии умалчивали, ибо каждый полагал, что он один вовремя упрежден. А Феанор выстроил тайную кузницу, о которой не проведал даже Мелькор; и там закалил смертоносные мечи для себя и своих сыновей, и выковал высокие шлемы, и украсил их алыми перьями. Горько пожалел Махтан о том дне, когда обучил мужа Нерданели всем секретам работы с металлом, что узнал от Аулэ.

Так лживыми речами, злобным наговором и коварными советами Мелькор разжег в сердцах нолдор пламя вражды; и ссоры между эльфами привели в итоге к тому, что завершились дни процветания Валинора и древняя слава его склонилась к закату. Ибо теперь Феанор открыто вел бунтарские речи противу Валар, объявляя повсюду, что уйдет из Валинора назад во внешний мир и освободит нолдор от рабства, если те последуют за ним.

Так началась в Тирионе великая смута, и обеспокоился Финвэ, и призвал всех своих лордов на совет. Финголфин же поспешил в его чертоги и предстал перед ним, говоря: «Король и отец мой, ужели не смиришь ты гордость брата нашего Куруфинвэ, кого по справедливости называют Духом Огня? По какому праву говорит он за весь наш народ, как если бы был королем? Это ты в незапамятные времена держал речь перед квенди и повелел им внять призыву Валар и идти в Аман. Это ты вел нолдор долгим путем через опасности Средиземья к свету Эльдамара. Если не сожалеешь ты об этом теперь, два сына, по меньшей мере, есть у тебя, которые чтят твою волю».

Но как только выговорил эти слова Финголфин, в зал ворвался Феанор в полном вооружении: высокий шлем венчал его чело, а у пояса сверкал могучий меч. «Все так, как я думал, – молвил он. – Мой единокровный брат тщится занять мое место подле отца моего, – как в этом, так и в любых других делах». И, обернувшись к Финголфину, он выхватил меч, воскликнув: «Убирайся прочь и помни свое место!»

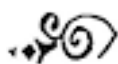
Финголфин поклонился Финвэ и ни словом, ни взглядом не ответив Феанору, вышел из зала. Но Феанор последовал за ним и у дверей королевского дворца преградил ему путь; и направил острие своего пламенеющего меча в грудь Финголфина. «Смотри же, единокровный брат! – сказал он. – Этот клинок поострей твоего языка. Посмей только вновь покуситься на мое место и на любовь отца моего, и этот меч, уж верно, избавит нолдор от того, кто жаждет быть господином рабов».

Многие слышали эти слова, ибо дворец Финвэ стоял на широкой площади у подножия башни Миндон, но вновь ничего не ответил Финголфин и, молча пройдя сквозь толпу, отправился повидать брата своего Финарфина.

Смута среди нолдор не укрылась от внимания Валар, хотя не ведали они ее скрытых причин; потому, поскольку Феанор первым открыто выступил против них, Валар решили, что это он сеет недовольство: при том, что гордыня овладела всеми нолдор, своеволие и высокомерие Феанора не имели себе равных. Опечалился Манвэ, но молча наблюдал он за происходящим. По доброй воле пришли эльдар в земли Валар; свободны они были оставаться или уходить; и хотя Валар сочли бы уход их великим безрассудством, не могли они удерживать эльфов. Однако теперь деяния Феанора нельзя было оставить безнаказанными. Гнев и смятение охватили Валар, и призвали они Феанора к вратам Валмара, держать ответ за все слова свои и поступки. Призвали также всех, кто был замешан в этом деле или что-либо о нем знал; и Феанор предстал перед Мандосом в Круге Судьбы, и повелели ему отвечать на все, о чем спросят. Тогда наконец обнаружился корень зла и разоблачено было коварство Мелькора; и тотчас же Тулкас покинул совет, чтобы схватить его и вновь привести на суд. Но и Феанора никто не оправдывал, ибо это он нарушил мир Валинора и поднял меч на родича; и Мандос сказал ему: «Ты говоришь о рабстве. Если это и впрямь рабство, тебе его не избежать, ибо Манвэ – Король всей Арды, а не только Амана. И деяние твое было несправедливым – по обычаям ли Амана, или другой земли. Потому такой вынесен тебе приговор: на двенадцать лет ты должен покинуть Тирион, где прозвучали слова угрозы. За это время обдумай все и вспомни, кто ты и что ты. По истечении же срока ты будешь прощен и вина твоя забыта, если другие пожелают освободить тебя».

Тогда молвил Финголфин: «Я освобожу брата моего». Но ни слова не сказал Феанор в ответ: молча стоял он перед Валар. Затем он повернулся и ушел с совета, и покинул Валмар.

Вместе с ним в изгнание ушли его семь сыновей. На севере Валинора, в горах, они выстроили крепость и сокровищницу; там, в Форменосе, хранилось бесчисленное множество драгоценных камней, а также и оружие; Сильмарили же были заперты в окованном железом зале. В Форменос ушел и король Финвэ, движимый любовью к Феанору; и Финголфин стал править нолдор в Тирионе. Так лживые речи Мелькора, казалось, обернулись правдой, хотя в том была вина самого Феанора; и неприязнь, посеянная Мелькором, не исчезла, но долго еще жила между сыновьями Финголфина и Феанора.

Мелькор же, узнав, что ухищрения его разоблачены, скрылся и скитался от места к месту, словно туча в холмах; и тщетно разыскивал его Тулкас. И показалось народу Валинора в ту

пору, что свет Дерев утратил былую яркость, а тени всех предметов удлинились и сделались темнее.

Говорится, что некоторое время Мелькор не появлялся в Валиноре и ничего о нем не было слышно; как вдруг, неожиданно-негаданно, явился он в Форменос и говорил с Феанором у дверей его крепости. Мелькор притворился его другом и коварными доводами настойчиво пытался пробудить в нем прежнюю мысль бежать из плена Валар. Так сказал он: «Взгляни – разве не правдой обернулись все мои слова? Ты несправедливо изгнан. Но если в сердце Феанора по-прежнему жива жажда свободы и доблесть, как явствовало из слов его в Тирионе, тогда я помогу ему и уведу его далеко прочь от этой жалкой полоски земли. Ибо разве я – не Вала? Вала – и притом могущественнее, чем те, что почивают на лаврах в Валимаре; я же всегда был другом нолдор, самого искусного и отважного народа Арды».

Сердце Феанора еще переполняла горечь унижения от того, что стерпел он перед Мандосом; и молча взирал он на Мелькора, размышляя, не лучше ли вправду отчасти довериться ему, чтобы тот помог ему бежать. Мелькор же, видя, что Феанор колеблется, и зная, что Сильмарили прочно завладели его сердцем, сказал наконец: «Крепка эта твердыня и надежно охраняется; но не надейся, что Сильмарили будут в безопасности в какой бы то ни было сокровищнице в пределах королевства Валар!»

Но здесь Мелькор перестарался: лукавые слова его задели Феанора за живое и пробудили пламя более яростное, нежели Мелькор ожидал. Взглянул на Мелькора Феанор, и взгляд его прожег насквозь принятое врагом прекрасное обличье и пронзил завесу, скрывавшую его помыслы, и постиг обуревающую того жажду завладеть Сильмарилиями. Тогда ненависть возобладала над страхом, и Феанор проклял Мелькора, и прогнал его, говоря: «Убирайся прочь от моих врат, ты, тюремная крыса Мандоса!» И он захлопнул двери своего дома перед могущественнейшим из обитателей Эа.

И удалился Мелькор посрамленным, ибо сам он в то время подвергался опасности и видел, что не настал еще час для мести; но сердце его почернело от гнева. А Финвэ объял великий страх; и тут же отослал он гонцов в Валмар, к Манвэ.

Валар же, обеспокоенные тем, что удлинились тени, держали совет перед вратами города, когда явились гонцы из Форменоса. Тотчас же вскочили Оромэ и Тулкас, но, едва бросились они в погоню, как подоспели посланцы из Эльдамара с вестями о том, что Мелькор бежал через ущелье Калакирья, и видели эльфы с холма Туна, как пронесся он, объятый гневом, подобно грозовой туче. И еще сказали они, будто оттуда повернул Мелькор к северу, ибо телери из Алквалондэ заметили его тень, что промелькнула мимо их гавани, удаляясь в сторону Арамана.

Так Мелькор покинул Валинор, и на какое-то время Два Древа вновь засияли незамутненным заревом, и землю залил свет. Но напрасно ждали Валар новых известий о враге своем; и, подобно далекому облаку, что неспешно поднимается все выше на крыльях ледящего ветра, сомнение омрачало отныне радость жителей Амана; охваченные страхом, не знали они, откуда ждать беды.

Глава 8

О том, как на Валинор пала тьма

Манвэ же, услышав о том, куда направился Мелькор, решил, что тот намерен укрыться в своих прежних цитаделях на севере Средиземья; и Оромэ с Тулкасом поспешили в северные края, надеясь перехватить беглеца, если смогут, но ни следов его, ни слухов о нем не обнаружили за пределами берегов телери, в необитаемых пустошах у границы Льдов. Тогда удвоили стражу вдоль северных ограждений Амана, только напрасно; ибо еще до того, как преследователи пустились в путь, Мелькор повернул назад и тайно углубился далеко на юг. Ибо он по-прежнему обладал могуществом Валар и мог, подобно братьям своим, менять облик по своему желанию или передвигаться, отказавшись от всякого обличия; хотя скоро суждено ему было утратить эту способность навсегда.

Так, невидимым, добрался он наконец до сумрачной области Аватар. Эта узкая полоска земли протянулась к югу от залива Эльдамар, у подножия восточных склонов гор Пелори; ее унылые берега простирались далеко на юг – неисследованные, окутанные мглой. Там, под сенью отвесной стены гор, у темных вод холодного моря лежали тени более глубокие и непроглядные, нежели где-либо в мире; этот край Аватар втайне и неведомо для всех избрала своим убежищем Унголиант. Эльдар не знали, откуда взялась она; некоторые, однако, утверждали, будто много веков назад она явилась из тьмы, окутывающей Арду, когда Мелькор впервые с завистью взглянул на Королевство Манвэ; и будто изначально она была из числа тех, кого Мелькор склонил ко злу и привлек к себе на службу. Но она отвергла своего Господина, желая подчиняться одной лишь собственной алчности, поглощая все вокруг, дабы заполнить пустоту внутри себя. Спасаясь от натиска Валар и охотников Оромэ, она бежала на юг, ибо Валар всегда неусыпно следили за северными землями, а про юг долгое время забывали. Оттуда-то она и подбиралась к свету Благословенного Королевства, ибо Унголиант алкала света и ненавидела его.

Унголиант поселилась в ущелье и приняла образ чудовищной паучихи, и плела свои черные сети в расщелине скал. Там она жадно всасывала весь доходящий до нее свет и изрыгала его назад сплетениями черной паутины удушливого мрака. И наконец свет уже не мог проникать в ее жилище, и она голодала.

Теперь же Мелькор явился в землю Аватар и отыскал ее; и снова принял он образ, что носил некогда как тиран Утумно: образ темного Властелина, могучего и ужасного. Отныне и навсегда оставался он в этом обличье. Там, в непроглядной тени, сокрытые даже от взора Манвэ, восседающего в вышних своих чертогах, Мелькор и Унголиант готовили свою месть. Когда поняла Унголиант замысел Мелькора, она долго колебалась между алчностью и великим страхом; ибо ей отнюдь не хотелось бросать вызов опасностям Амана и могуществу наводящих ужас Владык; и не соглашалась она покинуть свое убежище. Тогда Мелькор сказал ей: «Делай, как я велю; и если голод твой не утихнет после того, как свершится наша месть, я дам тебе то, чего потребует твоя алчность. Дам все, обеими руками». С легкостью поклялся он – как и всегда, клятвы не имели для него веса; и смеялся втайне. Так вор более опытный расставлял сети для новичка.

Плащом тьмы окутала Унголиант себя и Мелькора, когда они пустились в путь: то был Не-свет, в котором все, казалось, прекращало свое существование; куда не проникал взор, ибо суть его – пустота. Затем принялась она неспешно ткать свои сети: нить за нитью, от расщелины к расщелине, от каменного выступа к скальному пику, пока, наконец, не добралась до вершины Хьярментир, самой высокой из гор того края, что лежит далеко к югу от величественной скалы Таникветиль. Туда не обращали взор свой Валар, ибо к западу от гор Пелори простирались

пустынные земли, укрытые сумерками, а с востока к горам примыкали, кроме забытого всеми Аватара, только тусклые воды бескрайнего моря.

Теперь же на вершине горы уместилась ужасная Унголиант, и свила она веревочную лестницу, и сбросила ее вниз, и Мелькор взобрался по ней на ту вершину, и встал подле Унголиант, и взглянул сверху на Хранимое Королевство. Внизу простирались леса Оромэ, на западе зеленели поля и пастбища Йаванны и золотились высокие колосья пшеницы богов. Мелькор же взглянул на север и увидел вдали залитую светом равнину и серебряные купола Валмара, сверкающие в смешанном сиянии Тельперииона и Лаурелин. Тогда громко расхохотался Мелькор и, перепрыгивая с камня на камень, стал проворно спускаться по протяженным западным склонам; Унголиант же не отставала от него, и исторгаемая ею тьма укрывала обоих.

В ту пору, как хорошо знал Мелькор, было время празднества. Хотя Валар повелевали временами года и сменой их, и Валинор не знал смертоносного дыхания зимы, все же жили тогда Владыки в Королевстве Арда, а это всего лишь малое царство в пределах Эа, и жизнь его подчинена Времени, ход которого непрерывен – от самой первой ноты до заключительного аккорда Эру. В те дни Валар было в радость облекаться, точно в одежды, в образы Детей Илуватара (как о том говорится в «Айнулиндалэ»); вкушали они также и пищу, и утоляли жажду, и собирали плоды Йаванны – дары Земли, созданной ими согласно воле Эру.

Потому Йаванна назначила сроки для цветения и созревания всего, что росло в Валиноре; и всякий раз при первом сборе плодов Манвэ созывал великий пир во славу Эру; и все народы Валинора веселились на Таникветили, изливая радость в музыку и песнях. Этот-то час настал и теперь, и Манвэ устроил празднество еще более великолепное, чем все, что знали эльдар со времен своего прихода в Аман. Ибо хотя бегство Мелькора и сулило страдания и невзгоды, и никто не ведал, сколько еще ран нанесено будет Арде, прежде чем снова одолеют врага, в ту пору Манвэ решил исправить зло, посеянное среди нолдор; всех пригласил он прийти в его чертоги на Таникветили и там уладить ссоры, что разделяли эльфийских правителей, и окончательно изгнать из памяти лживые наветы Врага.

И вот пришли ваньяр, и вот пришли нолдор Тириона; собрались вместе Майар, и Валар предстали перед ними воплощением величия и красоты; и народы Валинора пели перед Манвэ и Вардой в их царственных чертогах или танцевали на зеленых склонах Горы, озаренной с запада светом Дерев. В тот день опустели улицы Валмара, и безмолвие укрыло лестницы Тириона; и вся земля уснула мирным сном. Только телери все пели на берегах моря за горами: мало занимала их смена времен года и течение дней, и не задумывались они о заботах Управителей Арды или тени, что пала на Валинор, ибо их она до поры не коснулась.

Одно только омрачало замысел Манвэ: Феанор пришел-таки, – ему одному Манвэ приказал явиться, – но не пришел Финвэ, и никто другой из нолдор Форменоса. Ибо объявил Финвэ: «Пока сын мой Феанор живет в изгнании и запрещено ему приходить в Тирион, я не считаю себя королем и не стану встречаться со своим народом». Феанор же явился не в праздничных одеждах, и не было на нем никаких украшений – ни серебра, ни золота, ни драгоценных камней; и не дал он полюбоваться на Сильмарили ни Валар, ни эльдар, а запер их в Форменосе в окованном железом зале. Однако же он приблизился к Финголфину пред троном Манвэ и примирился с ним на словах; и простил ему Финголфин то, что меч был извлечен из ножен. И протянул ему Финголфин руку, говоря: «Как обещал я, так теперь и поступлю. Освобождаю тебя и не помню обиды».

Феанор молча принял его руку; Финголфин же продолжал: «Единокровный брат твой, по велению сердца буду я тебе родным братом. Тебе – вести, мне же – следовать за тобою. И да не разделит нас новое горе!»

«Я выслушал тебя, – сказал Феанор. – Да будет так». Но не знали тогда они, чем обернутся их слова, и не постигли их скрытого смысла.

Говорят, что пока стояли Феанор и Финголфин перед Манвэ, наступило слияние света; тогда засияли оба Древа, и безмолвный город Валмар озарили золотые и серебряные лучи. И в этот самый час Мелькор и Унголиант стремительно пересекли поля Валинора, точно тень черного облака, гонимого ветром над освещенной солнцем землей, и приблизились к зеленому холму Эзеллохар. Тогда Не-свет Унголиант пополз вверх, к самым корням Дерев; и Мелькор вскочил на холм, и черным своим копьем пробил каждое Древо до сердцевины, и нанес им глубокие раны; и из ран хлынул питающий их сок, точно кровь, и пролился на землю; и Унголиант всосала его. Переходя от Древа к Древу, подносила она свой черный клюв к их ранам, пока не выпила все досуха; и яд Смерти, источаемый ею, вошел в ткани Дерев и иссушил их корни, ветви и листья; и Древа умерли. Но Унголиант все еще мучила жажда; и, подойдя к Колодцам Варды, она осушила их; поглощая же свет, она изрыгала черные клубы дыма; и раздулась она до размеров столь чудовищных, что Мелькора охватил страх.

Так непроглядная тьма пала на Валинор. О случившемся в тот день многое рассказано в «Алдудениэ», песни, что ведома всем эльдар; сложил ее Элеммирэ из народа ваньяр. Однако ни песнь, ни повесть не могут передать всей глубины горя и ужаса того дня. Свет погас; но наступившая Тьма являлась бóльшим, нежели просто утратой света. В тот час создана была Тьма, что не сводилась к недостатке, но словно бы обладала собственным бытием, ибо злоба сотворила ее из Света; и Тьма эта обладала властью ослеплять взор, и входить в сердце и мысли, и подавлять самую волю.

Варда взглянула с Таникветили и узрела Тень, что стремительно росла и надвигалась на мир цитаделями мрака; непроглядное море ночи затопило Валмар: скоро лишь Священная Гора одиноко возвышалась последним островком затонувшего мира. Все песни смолкли. Безмолвие воцарилось в Валиноре, и не слышно было ни звука; только издалека, сквозь брешь в горах, ветер доносил стенания телери, подобные скорбному крику чаек. Ибо в тот час с Востока потянуло холодом и гигантские тени моря накатили на береговые скалы.

Тогда Манвэ взглянул на мир с высоты своего трона, и только его взор пронзил ночь и за завесой темноты разглядел Тьму, в которую проникнуть не мог: огромное черное облако вдалеке, что стремительно двигалось на север; и понял Манвэ, что Мелькор побывал в Валиноре и ушел вновь.

Тогда-то бросились в погоню; и земля задрожала под копытами коней воинства Оромэ; и искры, что сыпались из-под копыт Нахара, стали тем первым светом, что возвратился в Валинор. Но как только всадникам Валар удавалось поравняться с Облаком Унголиант, их ослеплял страх, и они рассыпались в разные стороны, и скакали сами не зная куда; и звук Валаромы дрогнул и заглох. А Тулкас, словно запутавшись в черных тенетах ночи, стоял, беспомощный и лишенный силы, тщетно колотя воздух. Когда же Тьма рассеялась, было слишком поздно: Мелькор беспрепятственно скрылся и месть его свершилась.

Глава 9

О бегстве нолдор

По прошествии времени неисчислимые толпы стеклись к Кругу Судьбы; и Валар восседали на тронах во мраке, ибо была ночь. Но уже мерцали в вышине звезды Варды, и воздух был чист, ибо ветра Манвэ развеяли смертоносные испарения и прогнали прочь тени моря. Тогда встала Йаванна, и поднялась на Эзеллохар, Зеленый холм, но черным и опустошенным явился он взгляду; и Йаванна возложила руки на Древа, но они были мертвы и темны; и каждая ветвь ломалась под прикосновением и падала, безжизненная, к ее ногам. Тогда раздались стенания и плач многих голосов; и показалось скорбящим, будто до дна испили они чашу горя, уготованную им Мелькором. Но это было не так.

И Йаванна обратилась к Валар, говоря: «Свет Дерев сгинул и жив ныне лишь в Сильмарилиях Феанора. Воистину снизошел на него дар предвидения! Даже для могущественнейших пред лицом Илуватара есть такое свершение, какое исполнить можно лишь однажды и не иначе. Я дала бытие Свету Дерев, и в пределах Эа не смогу свершить того же снова. Но будь у меня хотя бы малая толика того света, я сумела бы вернуть Деревам жизнь прежде, чем умрут их корни; и тогда исцелены будут наши раны, и злобный замысел Мелькора потерпит крах».

Тогда заговорил Манвэ, и молвил: «Слышишь ли ты слова Йаванны, Феанор, сын Финвэ? Даруешь ли то, о чем хотела бы просить она?»

Наступило долгое молчание, но ни слова не произнес Феанор в ответ. Тогда воскликнул Тулкас: «Говори же, о нолдо, да или нет! Но кто же посмеет отказать Йаванне? И разве свет Сильмарилей изначально взят не от ее творения?»

Но отозвался Аулэ, Созидатель: «Не надо спешить! Мы просим о большем, нежели тебе ведомо. Позволь ему спокойно поразмыслить».

Тогда заговорил Феанор, и воскликнул он с горечью: «И для малых, так же, как и для великих, есть такой труд, какой можно исполнить лишь однажды; и в том труде – отрада сердца мастера. Я могу отомкнуть для вас мои самоцветы, но никогда не сотворить мне вновь подобного им; если вынудят меня разбить их – разобьется и мое сердце, и погибну я – первым из эльдар Амана».

«Не первым», – молвил Мандос, но никто не понял слов его. И вновь наступило молчание; Феанор же мрачно размышлял во тьме. Показалось ему, будто враги окружили его тесным кольцом; и вновь вспомнились ему слова Мелькора о том, что Сильмарили не будут в безопасности, пока Валар стремятся завладеть ими. «А разве Мелькор – не Вала, как и все они? – подсказывала ему мысль. – Разве не постиг он их тайные думы? Именно так: вор выдает воров!» И воскликнул вслух Феанор: «Я не сделаю этого по доброй воле, но если принудят меня Валар, вот тогда узнаю я доподлинно, что Мелькор – родня им».

И молвил Мандос: «Ты сказал». И встала Ниэнна, и поднялась на Эзеллохар, и откинула свой серый капюшон, и слезами смыла скверну Унголиант; и запела, оплакивая зло мира и Искажение Арды.

А пока скорбела Ниэнна, явились нолдор, посланцы из Форменоса, и принесли новые недобрые вести. Поведали они о том, как непроглядная Тьма надвинулась на север, а в самом сердце ее наступала неведомая сила, которой не было имени; и в ней брала свое начало Тьма. И Мелькор был там; к дому Феанора явился он и сразил Финвэ, короля нолдор, у самых его дверей, и впервые пролил кровь в Благословенном Королевстве; ибо один Финвэ не бежал от ужаса Тьмы. И еще сказали гонцы, что Мелькор ворвался в крепость Форменос и похитил все сокровища нолдор, что хранились там; а вместе с ними исчезли и Сильмарили.

Тогда поднялся Феанор и, воздев руку перед Манвэ, проклял Мелькора и нарек его *Моргот*, Черный Враг Мира; и лишь под этим именем знали его эльдар впредь. И проклял Феанор

также приглашение Манвэ и тот час, когда пришел на Таникветиль; ибо, охваченный яростью и горем, в безумии своем полагал Феанор, что будь он в Форменосе, его сил достало бы на большее, нежели тоже пасть от руки Мелькора, как тот и замышлял. И выбежал Феанор из Круга Судьбы и скрылся в ночи, ибо отца своего любил он больше, нежели свет Валинора или непревзойденные творения своих рук; и кто из сыновей эльфов и смертных более дорожил своим отцом?

Многие сокрушались, сочувствуя горю Феанора; но не один он скорбел о своей утрате: и Йаванна лила слезы у холма, боясь, что Тьма навсегда поглотит последние лучи Света Валинора. Ибо хотя Валар еще не поняли до конца происшедшее, ясно им было, что Мелькор призывал на помощь некую силу извне Арды. Сильмарили сгинули, и, казалось, не имело значения, ответил ли Феанор Йаванне «да» или «нет»; однако скажи он «да» с самого начала, до того, как прибыли вести из Форменоса, – может статься, иными оказались бы последующие его деяния. Но теперь ничто не могло отвратить рок, нависший над народом нолдор.

Тем временем Мелькор, ускользнув от погони Валар, достиг пустынных земель, называемых Араман. Этот край лежал далеко на севере, между горами Пелори и Великим морем, точно так же, как Аватар – на юге; но обширнее были земли Арамана: от морских берегов до самого подножия гор простирались бесплодные равнины; и чем ближе к кромке льда, тем холоднее становился воздух. Эту область стремительно пересекли Моргот и Унголиант, и сквозь густые туманы Оймурэ вышли к Хелькараксэ, где пролив между Араманом и Средиземьем сковал скрежещущий лед; и Мелькор перебрался через пролив и достиг наконец северного побережья Внешних земель. Не удавалось Морготу избавиться от Унголиант; вместе двинулись они дальше, и облако ее все еще нависало над ним, и все глаза ее устремлены были на него; и вышли они к тем землям, что лежат к северу от залива Дренгист. Оттуда недалеко уже было до развалин Ангбанда, некогда мощной западной цитадели; и Унголиант поняла замысел Моргота, догадавшись, что здесь он попытается бежать от нее; и она преградила ему путь, требуя, чтобы тот выполнил свою клятву.

«Исчадие злобы! – сказала она. – Я исполнила твою волю. Но меня по-прежнему мучит голод».

«Что еще тебе нужно? – отозвался Моргот. – Ты желаешь весь мир упрятать в свое брюхо? Уж его-то я не клялся отдать тебе. Я – Властелин мира».

«Так много мне не надо, – отвечала Унголиант. – Но в твоих руках – сокровища Форменоса; их я получу. О да, ты отдашь мне их обеими руками».

Тогда волей-неволей Моргот уступил ей драгоценные камни, что унес с собою; один за одним, и нехотя; и она пожрала их, и красота их погибла для мира. Унголиант же выросла до еще больших размеров и стала еще чернее, но алчность ее не знала утоления. «Одною рукою даешь ты, – сказала она, – одною лишь левой. Разожми свою правую руку».

А в правой руке Моргот крепко сжимал Сильмарили, и, даже запертые в хрустальном ларце, самоцветы уже жгли его огнем, и стиснул он пальцы, сведенные судорогой боли, но ни за что не желал разжать руку. «Нет! – воскликнул он. – Ты получила то, что тебе причиталось. Ибо никто иной как я придал тебе сил исполнить задуманное. Но больше ты мне не нужна. Этих камней ты не получишь, и даже не увидишь их. Я навечно объявляю их своими».

Но несказанно возросла к тому времени мощь Унголиант, Моргот же утратил часть своей силы; и она набросилась на Моргота, и облако тьмы сомкнулось вокруг него; и Унголиант опутала врага своего паутиной липких щупалец, пытаясь задушить. Тогда Моргот издал душераздирающий вопль, эхом отозвавшийся в горах. Потому земля эта получила название Ламмот, ибо с тех самых пор жило там эхо его голоса, и любой громкий возглас будил тот отзвук вновь – тогда над пустошью между холмами и морем гремели словно бы голоса, исполненные несказанной муки. Не слышали северные края ничего громче и ужаснее того жуткого вопля: горы содрогнулись, и земля заходила ходуном, и раскололись скалы. В недрах забытых пещер

отозвался этот крик. В глубинах под руинами Ангбанда, в подземельях, куда не спускались Валар в ходе стремительного штурма, все еще скрывались балроги, ожидая возвращения своего Владыки; теперь же они сей же миг воспряли и, пронесшись над Хитлумом, подоспели в Ламмот, словно огненный смерч. Своими пылающими бичами они разорвали сети Унголиант, и та дрогнула и обратилась в бегство, изрыгая черные клубы дыма, что укрывали ее от взгляда. Бежав из северных краев, она перебралась в Белерианд и поселилась у подножия Эред Горгорот, в той темной лощине, что позже получила название Нан Дунгортеб, Долина Страшной Смерти, ибо водворился там вместе с нею великий ужас. Много других мерзостных тварей в паучьем облике таилось там с тех самых пор, как построена была подземная крепость Ангбанд; и Унголиант спаривалась с ними, а затем пожирала их. После же того, как сама Унголиант оставила те места и ушла куда-то в забытые всеми южные края, в лощине гнездились ее отпрыски, и плели там свои гнусные сети. О судьбе самой Унголиант молчат легенды. Однако говорили иные, будто скончалась она давным-давно, когда, терзаемая неутолимым голодом, пожрала наконец саму себя.

Так не сбылись страхи Йаванны, опасавшейся, что Сильмарили будут проглочены чудовищем и обратятся в ничто; однако по-прежнему оставались они во власти Моргота. Он же, обретя свободу, опять собрал вокруг себя всех своих слуг, каких сумел отыскать, и вернулся к развалинам Ангбанда. Там он заново отстроил просторные подземные склепы и темницы; а над воротами воздвиг тройной пик скалы Тангородрим, и над ними всегда курились темные клубы дыма. Там собрались неисчислимые рати его чудовищ и демонов, а в недрах земли плодилось и размножалось гнусное племя орков, выведенное ранее. Темная тень пала на Белерианд, как будет сказано далее; в Ангбанде же Моргот отковал для себя огромную железную корону и провозгласил себя Королем Мира. И в знак того оправил он в корону Сильмарили. Руки его были обожжены дочерна от прикосновения к священным камням; такими остались они навсегда, и вовеки не утихла боль от ожогов и ярость, вызванная болью. Корону эту Моргот никогда не снимал с головы, хотя со временем невыносимой сделалась ее тяжесть. Только раз покинул он втайне на время владения свои на Севере; редко выходил он из глубоких подземелий своей крепости, но направлял воинства с северного своего трона. И лишь единожды, пока стояло его королевство, брался он за оружие.

Ибо теперь еще сильнее, нежели во времена Утumno, до того, как гордыня его потерпела унижение, грызла его ненависть; и он расходовал дух свой, подчиняя себе волю своих слуг и будя в них слепую жажду разрушения. Однако же, долго еще сохранял он величие, присущее ему как одному из Валар, хотя теперь сутью этого величия стал ужас; и пред лицом его все, кроме самых стойких, погружались в темные бездны страха.

Теперь же, когда стало известно, что Моргот бежал из Валинора и погоня ни к чему не привела, долго восседали Валар на тронах в Круге Судьбы, в темноте, а Майар и ваньяр, рыдая, стояли подле; нолдор же почти все вернулись в Тирион и оплакивали прекрасный город свой, погружившийся во мрак. Сквозь смутно различимое ущелье Калакирья тянулись туманы от сумрачных морей и плащом окутывали дворцы и башни, и тускло светился во мгле маяк Миндона.

Тогда появился в городе Феанор, и призвал всех собраться во дворе короля на вершине холма Туна; однако Феанор по-прежнему числился изгнанником, ибо наказание не было с него снято; потому, явившись в Тирион, он восстал против воли Валар. Великое множество эльфов сошлось вскоре выслушать, что он скажет; холм, лестницы, улицы, сбегаящие вниз к основанию холма, озарили сотни огней, ибо каждый сжимал в руке факел. Великим красноречием

наделен был Феанор; слова его подчиняли себе сердца, когда хотел он того; а в ту ночь обратился он к нолдор с речами, что запомнили они навсегда. Слова его дышали исступлением и злобой; гнев и гордыня звучали в них, и безумие овладело нолдор, внимавшими тем словам. Ярость и ненависть Феанора обращены были главным образом на Морготта, однако же почти все, что говорил он, следовало из лживых наветов самого Морготта: горе из-за смерти отца и скорбь об утрате Сильмарилей помутили разум Феанора. Теперь он претендовал на королевскую власть над всеми нолдор, ибо Финвэ был мертв, а волю Валар бунтовщик ни во что не ставил.

«Зачем, о народ нолдор, – взывал он, – зачем служить нам и долее завистливым Валар, что не в силах защитить ни нас, ни даже собственное свое королевство от Врага своего? Верно, Моргот теперь им враг, но разве они и он – не одного племени? Месть призывает меня прочь от этих мест, но, будь все иначе, я не остался бы в одной земле с родней убийцы моего отца и похитителя моего сокровища. Но ужели я – единственный, кто наделен отвагой среди этого отважного народа? Разве не лишились вы все своего короля? А чего не лишились вы, прозябающие, словно в темнице, на этом жалком клочке земли между горами и морем?»

«Некогда здесь был свет, который Валар поскупились дать Средиземью; но теперь тьма уравнила все. Станем ли мы горевать здесь в бездействии вечно, – народ теней, призраки туманов, – напрасно орошая слезами неблагодарное море? Или вернемся домой? Отрадны воды озера Куивизнен плескались под яркими звездами, а вокруг лежали бескрайние земли, назначенные в удел свободному народу. Они все еще ждут нас, покинувших их в безумии своем. Уйдем же! Пусть этот город остается трусам!»

Долго говорил Феанор, убеждая нолдор последовать за ним и собственной доблестью завоевать свободу и обширные королевства восточных земель, пока не поздно; ибо в речах его эхом звучали лживые наветы Мелькора о том, что будто бы Валар обманули эльфов и намерены держать их в плену, чтобы люди стали править в Средиземье. Многие эльдар в первый раз тогда услышали о Пришедших Позже. «Прекрасный итог ждет нас, хотя путь будет долог и труден! – восклицал Феанор. – Распрощайтесь с рабством! Но распрощайтесь также и с покоем! Забудьте о слабых! Забудьте о своих сокровищах! Еще немало всего создадим мы! Отправляйтесь налегке; но возьмите с собою мечи! Ибо мы пойдем дальше, чем Оромэ; явим большую стойкость, нежели Тулкас; преследуя врага, мы не повернем вспять. За Морготом, на край Земли! Война – удел его, и неутолимая ненависть. Но когда победим мы и вернем Сильмарилли, тогда мы, только мы станем безраздельными владыками немеркнувшего Света и хозяевами великолепия и красоты Арды. Никакой другой народ не потеснит нас!»

И поклялся Феанор ужасной клятвой. Его семеро сыновей тотчас же встали рядом и вместе повторили те же обеты, и алый, как кровь, отблеск играл на лезвиях их мечей в свете факелов. Они принесли клятву, которую никто не в силах нарушить и никто не вправе давать: клятву именем самого Илуватара; призывая на себя Вечную Тьму, если не сдержат ее; провозглашая свидетелями Манвэ и Варду, и священную гору Таникветиль; и обещая преследовать своей мстью и ненавистью до самых пределов Мира любого – будь то Вала, демон, эльф или не родившийся еще смертный; любое существо, великое или малое, доброе или злое, что может появиться со временем вплоть до конца дней; преследовать того, кто хранит Сильмариль или завладеет камнем, или воспрепятствует им вернуть его.

Так поклялись Маэдрос и Маглор, Келегорм, Куруфин и Карантир, Амрод и Амрас, принцы нолдор; и многие дрогнули, услышав ужасные слова. Ибо такую клятву, принесенную во имя добра или зла, нельзя нарушить; она станет преследовать и верного клятве, и изменившего ей до самого конца мира. Потому Финголфин и Тургон, сын его, выступили против Феанора; и разгорелся яростный спор, и снова гнев едва не привел к тому, чтобы в ход пошли мечи. Тогда заговорил Финарфин – мягко, по обыкновению своему, и попытался успокоить нолдор, убеждая их помедлить и задуматься прежде, чем свершится непоправимое; и Ородрет

единственным из его сыновей поддержал отца. Финрод примкнул к Тургону, своему другу; но Галадриэль, единственная из женщин нолдор, стоявшая в тот день среди спорящих правителей, высокая и отважная, страстно желала уйти. Она не принесла клятвы; но слова Феанора о Средиземье воспламенили ее сердце, ибо она жаждала увидеть бескрайние, никем не охраняемые земли и безраздельно править там своим королевством. Те же мысли были и у Фингона, сына Финголфина; его тоже вдохновили речи Феанора, хотя к самому Феанору он большой любви не питал; а рядом с Фингоном стояли, как всегда, Ангрод и Аэгнор, сыновья Финарфина. Но они промолчали и не выступили против отцов своих.

Наконец, после долгих споров, Феанор одержал верх, и слова его пробудили в большинстве собравшихся нолдор стремление к новым свершениям и неведомым странам. Потому когда Финарфин снова стал призывать помедлить немного и все обдумать, поднялся дружный крик: «Нет, уйдем же!» И, не медля ни минуты, Феанор и его сыновья принялись готовиться к выступлению.

Многого не дано предусмотреть тем, что отважились избрать путь столь неверный. Однако ж все делалось в немалой спешке, ибо Феанор побуждал нолдор торопиться, опасаясь, что остынут их сердца, и слова его утратят свою силу, и советы других возьмут верх; притом, несмотря на все свои гордые речи, Феанор не забывал о могуществе Валар. Но не было вестей из Валмара, и Манвэ молчал. До поры не желал он запрещать Феанору исполнять задуманное или препятствовать его замыслу, ибо огорчило Валар обвинение в злом умысле противу эльдар и в том, что кого-то насильно удерживают они у себя в качестве пленников. Теперь Валар выжидали и наблюдали за происходящим, ибо им все не верилось, что Феанор долго сможет навязывать свою волю воинству нолдор.

И действительно, как только Феанор начал готовить воинство к выступлению, немедленно возник разлад. Ибо хотя он убедил собравшихся покинуть Валинор, отнюдь не все склонялись к тому, чтобы избрать Феанора королем. Гораздо больше любили Финголфина и его сыновей, и домочадцы его и большинство жителей Тириона отказывались от него отречься, если только Финголфин пойдет с ними. И так наконец нолдор выступили в путь, сулящий им много горестей, двумя раздельными воинствами. Феанор и его сторонники были в авангарде; однако больший отряд шел позади, во главе с Финголфином. Финголфин же отправился в путь вопреки тому, что подсказывало ему мудрое сердце; затем только, что убеждал его сын Фингон, и еще затем, что не желал он бросить свой народ, стремящийся уйти, и оставить его во власти опрометчивых замыслов Феанора. К тому же, Финголфин не забыл своих слов, произнесенных пред троном Манвэ. С Финголфином шел также и Финарфин, движимый теми же доводами; но очень не хотелось ему уходить. Из всех нолдор Валинора (а народ их вырос несказанно) едва ли десятая часть отказалась отправиться в путь: одни – из любви к Валар (особенно же к Аулэ), другие – из любви к Тириону и творениям своих рук; и никто – из страха перед опасностями пути.

Но едва запела труба и Феанор выступил из врат Тириона, явился наконец посланец от Манвэ со словами: «Безрассудству Феанора противопоставлю я лишь совет свой: не уходите! Ибо в недобрый час решились вы на это, и путь ваш ведет к страданиям, каких вы не в состоянии предвидеть. Не будет вам помощи от Валар в вашем начинании, но и препятствовать вам они не станут, ибо вот что следует вам знать: как пришли вы сюда свободно, по своей воле – так свободны вы и уйти. Но тебя, Феанор, сын Финвэ, твоя же клятва изгоняет из Валинора. Горьким будет урок, что научит тебя не верить лживым наветам Мелькора. Он – Вала, говоришь ты. Тогда напрасной была твоя клятва, ибо никого из Валар не под силу тебе одолеть в пределах Эа – сейчас ли, позже ли; даже если бы Эру, кого назвал ты, дал тебе могущество в три раза большее, нежели есть».

Но рассмеялся Феанор, и, не ответив герольду, вновь обратился к нолдор: «Вот как! Так значит, доблестный народ сей отошлет от себя в изгнание наследника короля своего, в сопро-

вождении одних лишь сыновей, и вернется в рабство? Но если найдутся такие, что пойдут со мной, им я скажу: «Страдания предрекают вам? Но мы познали их в Амане. В Амане от блаженства пришли мы к горю. Испробуем же иной путь: через страдания попытаемся обрести радость или по крайней мере свободу».

Затем, обернувшись к герольду, воскликнул Феанор: «Вот что скажи Манвэ Сулимо, Верховному Королю Арды: если Феанор и не сможет одолеть Моргота, по крайней мере не мешает он с вызовом на бой, а не пребывает в бездействии, горюя понапрасну. Может быть, Эру вложил в меня пламя более неукротимое, нежели ты ведаешь. По меньшей мере такой урон нанесу я Врагу Валар, что даже могучие в Круге Судьбы изумятся, услышав об этом. О да, это им в итоге следовать за мной. Прощай же!»

В тот час голос Феанора зазвучал столь громко и властно, что даже герольд Валар поклонился ему, как если бы получил учтивый ответ, и отбыл; нолдор же исполнились благоговения. И вновь эльфы пустились в путь; и Дом Феанора спешил вперед, опережая прочих, вдоль берегов Элендэ; и никто из них ни разу не обернулся, чтобы взглянуть на Тирион на зеленом холме Туна. Не столь скоро и не столь охотно следовало за ним воинство Финголфина. Из них первым шел Фингон, а замыкали шествие Финарфин и Финрод, и еще многие из благороднейших и мудрейших нолдор; часто оглядывались они назад, на прекрасный свой город, пока свет маяка Миндон Эльдалиэва не затерялся в ночи. Уносили они в сердце больше воспоминаний о блаженстве прежних дней, от которого отказались, нежели прочие Изгнанники; некоторые же взяли с собою многие творения рук своих, созданные в Тирионе: то было утешение, но и лишняя тяжесть в пути.

И вот Феанор повел нолдор на Север, ибо первым намерением его было следовать за Морготом. Более того, холм Туна под сенью скалы Таникветиль располагался близ пояса Арды, и Великое море в том месте разливалось очень широко; но чем дальше к северу, тем уже становились разделяющие моря, а пустоши Арамана и берега Средиземья сходились все ближе. Но когда поостыло нетерпение Феанора и задумался он, он понял, хотя и слишком поздно, что огромным воинствам никогда не преодолеть столь больших расстояний на пути к северу и не пересечь в итоге моря – без помощи кораблей; однако потребовалось бы много времени и труда, чтобы построить столь большой флот, даже если бы среди нолдор были те, кто владеет этим искусством. Потому решил Феанор склонить телери, давних друзей нолдор, присоединиться к ним; одержим мятежным духом, полагал он, что благодаря тому еще более убудет блаженство Валинора, а мощь его в войне против Моргота умножится. И тогда поспешил Феанор в Алквалондэ, и воззвал к телери, как прежде взывал к народу своему в Тирионе.

Но телери остались равнодушны к его речам. Очень опечалил их уход давних друзей и родни, но они склонны были скорее отговорить нолдор от задуманного, нежели оказать им помощь; и не соглашались они ни предоставить нолдор свои корабли, ни помочь в постройке новых против воли Валар. Для себя же они не желали теперь иного дома, нежели побережье Эльдамара, и иного владыки, кроме Олвэ, правителя Алквалондэ. Олвэ же никогда не склонял слух свой к речам Моргота и не привечал его в своих владениях, и твердо верил, что Ульмо и другие великие среди Валар исправят зло, причиненное Морготом, и еще сгинет ночь и вновь наступит рассвет.

Тогда Феанор пришел в ярость, ибо по-прежнему страшился промедления, и в запальчивости сказал он Олвэ: «Отрекаетесь вы от друзей своих в час нужды нашей. Однако же весьма радовались вы нашей помощи, когда пришли наконец к этим берегам – вы, замешкавшиеся

малодушно, и притом с пустыми руками. До сих пор ютились бы вы в лачугах на берегу, если бы нолдор не отстроили вам гавань и не возвели ваши стены трудом своим!»

Но отвечал Олвэ: «Мы не отрекаемся от друзей. Но разве не долг дружбы – упрекнуть друга за безрассудство? Когда нолдор приветили нас и оказали помощь, иными были слова ваши: в земле Аман предстояло нам жить вечно, как братьям, чьи дома стоят один подле другого. Но что до наших белых кораблей, не вы нам их дали. Не от нолдор научились мы своему искусству, но от Владык Моря; белоснежные ладьи построили мы своими руками, а белоснежные паруса соткали жены наши и дочери. Потому не отдадим мы кораблей и не продадим во имя союза либо дружбы. Ибо я говорю тебе, Феанор, сын Финвэ: корабли эти для нас что драгоценные камни для нолдор: труд, в коем отрада наших сердец; и подобных им не сотворить нам вновь».

Тогда Феанор ушел от Олвэ, и оставался за стенами Алквалондэ, погруженный в мрачные мысли, пока не подошло его воинство. Когда же решил он, что сил у него достаточно, он вступил в Лебединую Гавань и приказал своим воинам захватывать корабли, стоящие там на якоре, чтобы увести их силой. Но телери дали им отпор, и многих нолдор сбросили в море. Тогда извлечены были из ножен мечи, и завязалась кровавая битва: на кораблях, на озаренных светильниками причалах и пирсах, и даже на гигантской арке врат. Трижды телери оттесняли назад народ Феанора, и много было погибших и с той, и с другой стороны; но на помощь авангарду нолдор подоспел Фингон с передовым отрядом воинства Финголфина: приблизившись к гавани, увидели они, что в разгаре сражение и убивают их родню; и ринулись в бой, не разобравшись до конца, в чем же причина ссоры; воистину, многие решили, что телери по приказу Валар попытались воспрепятствовать походу нолдор.

Так, наконец, телери были побеждены, и великое множество мореходов Алквалондэ пало под безжалостными ударами. Ибо нолдор сделались свирепы и отчаянны, телери же уступали им в силе и в большинстве своем вооружены были лишь хрупкими луками. И нолдор увели их белоснежные корабли, и, как смогли, расставили гребцов, и двинулись на веслах вдоль берега к северу. Олвэ воззвал к Оссэ, но тот не пришел; ибо не дозволили Валар силой препятствовать уходу нолдор. Но Уинен оплакивала мореходов телери, и море поднялось в гневе против убийц, и многие корабли были разбиты в щепы; и те, кто плыл на них, затонули. О Братоубийстве в Алквалондэ много более рассказано в плаче, что зовется «Нолдолантэ», «Падение нолдор», а сложил ту песнь Маглор, прежде, чем сгинул навек.

Однако большинство нолдор спаслось, и, когда шторм утих, эльфы снова двинулись вперед, кто – морем, а кто – сушей; но долог был путь, и чем дальше шли они, тем большие опасности подстерегали их. Великие расстояния преодолели они в беспредельной ночи и вышли наконец к северным пределам Хранимого Королевства, к границам холодных нагорий пустынной земли Араман. Там вдруг явилась их взорам темная фигура на высокой прибрежной скале. Некоторые говорят, что это был не кто иной как сам Мандос: именно его избрал своим глашатаям Манвэ. И услышали нолдор громкий глас, торжественный и повергающий в трепет, что повелел им остановиться и внимать. Тогда все застыли на месте, и из конца в конец воинств нолдор разносился глас тот, изрекающий проклятие и пророчество, что называют Пророчеством Севера и Приговором нолдор. Много из того, что предсказано было эльфам в туманных речах, нолдор поняли не раньше, чем и вправду обрушились на них неисчислимые беды; но слова проклятия, обращенного к тем, кто не свернет с пути и не останется ждать суда и прощенья Валар, слышали все.

«Пролетите вы бесчисленные слезы, и Валар оградят от вас Валинор и захлопнут перед вами двери, так, что даже эхо стенаний ваших не услышат за горами. Гнев Валар почиет на Доме Феанора от Запада до крайних восточных земель; и на всех, кто последует за Феанором, также падет их гнев. Клятва погонит их вперед, и в итоге обратится против них же, и лишит их тех самых сокровищ, что клялись они добыть. Все, что начали они во имя добра, обратится во зло,

и случится это так: брат предаст брата, и страх перед предательством овладеет всеми сердцами. Обездоленными станете вы навсегда».

«Вы пролили кровь безвинных братьев своих и запятнали кровью землю Амана. За кровь заплатите вы кровью, и жить вам суждено за пределами Амана, под сенью Смерти. Ибо хоть Эру и не назначил вам умирать в Эа и никакой недуг не может коснуться вас, однако убить вас можно: оружие, пытки и горе станут убивать вас; и бесприютные ваши души возвратятся тогда в Мандос. Долго томиться вам там, тоскуя по утраченной плоти, и не обрести жалости, пусть даже все убиенные вами станут просить за вас. Те же, что останутся в Средиземье и не вернуться в Мандос, устанут от мира, точно от тяжкого бремени, и угаснут, превратившись в тени скорби пред юной расой, что придет позже. Валар сказали».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.